

Е

сли б Олеся понимала значение всяких витиеватых слов, то вполне могла б сказать: «Искушение оказалось сильнее меня». Но поскольку лучшей оценкой по литературе у нее была единственная четверка с двумя минусами, да и та в незапамятные времена, она подумала: «Клево, что никто не заметил!.. Во, блин, повезло!..»

Правда, окончательно она успокоилась только добравшись до родного двора — сразу перестало казаться, что люди смотрят на нее подозрительно, пульс пришел в норму, дыхание выровнялось, и, заходя в подъезд, она даже не оглянулась. Щелкнул замок, гордо именовавшийся жильцами «кодовым». Код состоял всего из двух цифр, и соответствующие кнопки, отполированные до блеска, угадывались с первого раза, но все равно Олеся почувствовала себя в безопасности; это было важно, ведь в черном пакете, который она держала в руке, находилась замечательная, модная, но чужая сумка.

Теперь ее волновало лишь одно — не рано ли она радуется; слишком уж демонстративно сумка висела на спинке стула рядом с пустым столиком летнего кафе; словно специально, чтоб прихватить ее, проходя мимо. Собственно, Олеся так и сделала, а ведь возможно, в глубине зала какой-нибудь приколист тихо угорал, наблюдая за ее испуганным лицом; за тем, как она перебежала улицу на красный свет и уже на другой стороне судорожно совала бесполезную добычу в пакет. «Не, блин, не похоже, — Олеся

прикинула вес пакета. — Тяжелый... да и сумка клевая — такими не разбрасываются...»

Олеся повернула ключ очень осторожно, но звук все-таки был услышан.

— Олеська! — раздался голос отчима, — это ты явилась? — Вроде у кого-то еще мог иметься ключ от квартиры.

Пройдя мимо кухни, Олеся увидела мать; перед ней стоял стакан с вином, но ее взгляд замер на густой белой стене. Она уже давно твердила, что устала от такой жизни, но продолжала и продолжала жить, ничего не меняя. Олеся не могла этого понять, ведь раньше-то мать была совсем другой. Кажется, была другой... — образ последних лет вытеснил тот, прежний, то ли стершийся, то ли придуманный.

Напротив, неловко обернувшись к двери, сидел отчим — не такой пьяный, чтоб упасть, а пьяный, но бодрый; именно таким Олеся боялась его и, тем не менее, не могла удержаться:

— Не, мы — менты, алкашей собираем.

Это был своего рода экстрим. Олеся знала — будь у нее много денег, она б гоняла на машине, или ныряла с аквалангом, или прыгала с парашютом, а в сложившейся ситуации — достать отчима и не схлопотать по уху являлось реальным развлечением, щекочущим нервы и приносящим моральное удовлетворение. Теперь вот возникла еще сумка, но это был так, случайный эпизод, а не система.

— Сейчас ты у меня догавкаешься, — недобро усмехнулся отчим, но вернулся к бутылке, и, чтоб продлить «аттракцион», Олеся задержалась в коридоре.

— Гавкают кобели вроде тебя.

— Ну, сука, попросилась! — отчим вскочил, повалив стул.

— Саша, не трогай ребенка! — очнувшаяся от перебранки мать вцепилась в него.

— Да пошла ты! — Отчим отбросил ее руки, однако выигранного времени хватило, чтоб Олеся заскочила в свою комнату, повернула замок и счастливо улыбнулась, потому что здесь была ее крепость.

Лишь однажды отчим нарушил «границу», но, пока он бил в дверь, Олеся успела написать предсмертную записку, указав конкретного виновника; зажав ее в руке, она распахнула окно и вскарабкалась на подоконник. Даже смотреть вниз было страшно, не говоря уже о самом прыжке, но отчиму хватило и такого половинчатого варианта.

Дело в том, что он когда-то сидел в тюрьме и, в отличие от киношных зеков (настоящих Олеся, слава богу, не знала), считавших тюрьму неотъемлемой частью жизни, почему-то очень боялся попасть туда снова. Что там произошло с ним, неизвестно, но с того дня «граница» оставалась нерушимой. Жаль только, что мысль пугнуть его таким образом пришла Олесе не так уж давно...

Олеся никогда не видела своего отца, но вспоминала всякий раз, когда запиралась в комнате — ведь это он, уходя к другой, оставил матери квартиру; если б не это, они б наверняка жили на улице... а, может, и не жили бы вовсе. В своей прошлой, непьяной, жизни мать рассказывала, что отец не знал о рождении дочери — потому и ушел. Будучи маленькой, Олеся наивно мечтала, что он обязательно вернется; немного повзрослев, хотела сама найти его; а потом появился отчим, и она решила, что никогда никого не станет искать, потому что все мужики — сволочи, и человек, оставивший им квартиру, просто имел свой тайный умысел, например, исчезнуть из ее жизни.

Олесе хотелось есть, но проникать на «чужую территорию», да еще лезть в холодильник, пока отчим не допил свою бутылку, было уж слишком экстремально. На такой случай в пакете лежал купленный по дороге пирожок и маленькая шоколадка; только они находились на самом дне, а сверху...

Сжигаемая любопытством сильнее, чем голодом, Олеся извлекла из пакета сум-

ку и, зажмурившись в предвкушении чуда, высыпала содержимое на диван; разровняла получившуюся горку, ощущая пальцами, сколько там всяких разных вещей; открыла глаза... и даже дыхание перехватило — это был момент подлинного счастья! Если б она находилась в квартире одна, то точно бы завизжала и запрыгала, как в детстве прыгала и визжала при виде вспыхивающих огоньков новогодней елки.

Первым делом Олеся схватила телефон, отливавший розовым перламутром; маленький, толстенький, с откидной панелью — именно такой она видела в рекламе и именно о таком мечтала! На экране возникла неизвестная ей мультяшная рожица. «Полный отстой! — Олеся презрительно сморщила носик. — Ладно, у Надьки есть клевые картинки, только... — Закрыв панель, она задумалась. — Менты ж как-то вычисляют их — по телеку показывали, как один лох погорел на краденом телефоне. — Вздохнув, Олеся ласково погладила гладкую блестящую поверхность. — Хоть и безумно жалко, но лучше без него, чем загреметь в колонию; я ж небось еще стою у них на учете — отчим говорил, типа, к ним раз попадешь, и клеймо на всю жизнь... А чего я парюсь? Этот скину, получу бабки, куплю себе новый!.. Блин, наконец-то у меня будет телефон, а то одна хожу как дура...»

После принятого решения перламутровый «кирпичик» уже вроде и не принадлежал ей, поэтому, чтоб не травить душу, Олеся отложила его в сторону и взяла паспорт. С фотографии смотрела очень симпатичная, но строгая девушка с большими глазами и прямыми темными волосами. ...А на ксивах почему-то все напрягаются — она еще клево получилась... Олеся не поленилась достать с полки собственную «ксиву»; положила рядом. ...Жалко, что мы не похожи... В голове промелькнул сюжет фильма, где человек, завладев чужими документами, стал выдавать себя за другого. Правда, идея была абсурдной изначально — даже не вследствие их непохожести (в кино второй сначала убил первого, а Олеся не представляла — как это: специально подойти и убить человека): это находилось за гранью ее понимания. Вот подрасться она могла и даже любила; собственно, ее и поставили на учет в детской комнате за то, что она прямо в школе избила Катюшу Звягинцеву.

А вечером к ним приходила молоденькая лейтенант в короткой юбке; матери дома не оказалось, и она долго беседовала с отчимом, а когда ушла, тот сразу схватил ремень. В этом не было ничего нового — другими воспитательными приемами он просто не владел, и хотя с каждым годом разом воспринимал наказания все острее, строя фантастические планы мести, тело порой упускало момент для побега. В таких случаях Олеся старалась не плакать — она страшно ругалась, царапалась, щипала отчима за ноги и в конечном итоге вырывалась; на ходу натягивая трусы и колготки, она скрывалась в своей комнате и там уже давала волю яростным слезам. Доставалось ей в основном за двойки, что было б не так обидно, если б лупил ее какой-нибудь профессор, но отчим со дебильным ПТУ «по строительному делу», оконченным сто лет назад?! Мать при этом за нее не вступалась, поддакивая, что «учиться надо хорошо»... А если не давалась ей эта чертова учеба!..

И вообще, Олесе казалось, что мать просто боялась отчима, а тому доставляло удовольствие стегать сложным вдвое ремнем по маленькой голенькой попе и под аккомпанемент воплей и плача наблюдать, как на нежной коже рождается узор из багровых полос; на оставшийся вечер он делался благодушным и мирно смотрел телевизор. Так что даже если б падчерица стала вдруг круглой отличницей, он нашел бы другой повод.

После ухода лейтенанта, глядя в совершенно обезумевшие глаза, Олеся поняла, что ее собираются не наказывать, как обычно, а тупо избить; возможно, до полусмерти. Как, наверное, били на зоне самого отчима (иначе чего б он так боялся вернуться туда?)

Олеся отчаянно скакала с кресла на диван, залезала под стол, выныривая с другой стороны, не давая загнать себя в угол; в общем, от ремня ей удалось скрыться, но на повороте она не вписалась в подоконник — сначала вроде было даже не больно, зато потом целую неделю пришлось носить темные очки. Впрочем, из этого она сумела извлечь пользу, соврав, будто подралась с дворовыми пацанами, и после Катьки весь класс поверил. С тех пор девчонки ее побаивались, а ребята считали «своим парнем» и не приставали. Последнее было особенно здорово, потому что уединение с противоположным полом вызывало у нее панический страх, связанный еще с одним, не тускневшим воспоминанием детства (остальные либо давно стерлись, либо Олеся стерла их сама), а это жило, сохраняя ощущение боли, ужаса, незащищенности и еще какой-то всепобеждающей мерзости. Если б она была способна убить, то непременно б сделала это. До того дня она, скрепя сердце, могла простить отчиму даже порки — предлог-то был благовидным, зато после — ничего и никогда; то есть вообще ничего!.. Даже то, что он просто существует на свете. Вот отношение к матери колебалось в зависимости от настроения, хотя в любом случае она многого не понимала: например, сколько надо выпить, чтоб не проснуться, когда твоя родная дочь реально орет на весь подъезд?.. Или почему надо надраться именно в тот день, когда этот ублюдок решил вломиться к ней в ванную?.. И все равно мать ей было жаль. Олеся не находила тому объяснения, но ее убивать она б не стала, даже если б умела.

...Знала б Катька, как я ненавижу мужиков, у нее б язык не повернулся вешать на меня что-то... короче, получила она по заслугам!.. Круговорот воспоминаний потащил Олесю вглубь темного омута, именуемого «жизнь», и чтоб выбраться из него, она тряхнула головой; взгляд сам собой вернулся к черно-белому лицу с гладкими темными волосами. ...Тебе б так пожить, а то — крутизна!.. — Олеся открыла студенческий билет. — Медицинская академия... врачей, блин!.. Второй курс... это сколько ж ей лет? — Она вернулась к паспорту. — Всего на пять лет старше меня! А где ты живешь, подружка... как там тебя... Мария Викторовна Зуева. Блин, какая ты Викторовна: Машка — и есть Машка... — Заглянула на страницу с пропиской. — Я ж сто раз ходила по этой улице! Зайду как-нибудь в гости... Так, что тут еще прикольного?..

Олеся начала с помады, которую усиленно раскручивали по телевизору, но тон показался слишком темным для ее светлогожего облика; пудрой она вообще не пользовалась. ...А вот тушь... — покрутила перед носом длинную тонкую щеточку. — Тушь сгодится; остальное бабам с курсов отдам, пусть радуются...

Дальше шла всякая ерунда вроде носового платка с цветочками по углам, надорванной упаковки влажных салфеток, записной книжки с расписанием занятий и чьими-то телефонными номерами... Как Олеся догадалась заглянуть под коленкорovou обложку! Совершенно интуитивно она сунула туда ноготок и вдруг вытащила пятитысячную купюру; потом еще одну, а всего их оказалось шесть! Зажмурилась; вновь открыла глаза, но мираж не исчез. ...Ни фига себе!.. — Она посмотрела купюры на свет — в белом поле проступал портрет усатого мужика. — Блин, настоящие! Она редко держала в руках даже сотню, а здесь такое!

Разложив оранжевый веер, она наслаждалась внезапно свалившимся богатством. ...Я ж чего хочешь теперь куплю!.. Что именно купить, Олеся не могла решить так быстро — слишком многое ей требовалось, чтоб почувствовать себя полноценным участником жизни.

...Ай да Машка Зуева! Крутая, похоже, девка, но... крутая-некрутая, а нечего клювом щелкать. Я ж не украли ничего, а нашла... ну, не совсем нашла... да нет, нашла! Разве находят только то, что валяется? То, что ничейно лежит, — тоже находка; не я, так другой бы тиснул ту сумку... На диване осталась еще пачка недешевых сигарет, зажигалка и похожий на карандаш ключ. Сигареты Олеси,

не раздумывая, сунула в карман — курила она давно, ни от кого не прячась. А вот ключ... Она подбросила его на ладони. Небошь от квартиры. И как она попадет домой?.. Хотя такие девочки живут с родителями, так что ничего страшного... нет, ключ и документы надо вернуть, а то запахло получается... А что если самой принести и отдать — сказать, типа, нашла, да еще бабок потребовать? Заплатит — куда она денется! А вдруг мы с ней подружimsя? Будем тусоваться вместе, а то я ни в одном клубе не была, кроме нашей гнусной «Ямы»... Блин, а если она уже в ментовку заявила, и те начнут меня крутить — где нашла, как нашла, на какой-нибудь детектор лжи потащат, и сяду из-за ерунды. Нет, жадность всегда фраеров губит — лучше незаметно подбросить в почтовый ящик, сумку выкинуть, телефон продать, а деньги, они не пахнут; и концы в воду...

— Олеська, жрать-то небошь хочешь? — послышался за дверью голос отчима.

Когда по совершенно неведомым причинам на него нисходило хорошее настроение, он таким образом демонстрировал свою заботу, и Олеся (если не «выступала», конечно) могла спокойно сидеть вместе с ним за одним столом. Правда, был маленький нюанс: — если один раз отказаться или сказать, к примеру, «я потом», второго предложения не последует. ...Ну и фиг с ним! — Олеся достала из опустевшего пакета пирожок, — завтра пойду в «Макдоналдс» и нажрусь чего захочу!.. Чем хавать ваши макароны...

— А ты сам как думаешь! — то ли спросила, то ли ответила она, хотя давно уяснила, что отчим не воспринимает таких сложных мыслительных заданий; естественно, он сорвался:

— Чего я должен думать! Я спрашиваю, а ты отвечай, дура!

— Да, хочу! Но не хочу видеть твою рожу!

— Ну тогда как хочешь...

Скрип половиц стал удаляться, но тут отодвинулся стул, звякнула ложка, и через минуту раздался негромкий стук в дверь. Это могла быть только мать, поэтому Олеся поспешно сгрела трофеи обратно в сумку и, сунув ее под диван, подняла предохранитель замка.

Мать, похоже, так и не притронулась к стакану; что на нее нашло, неизвестно, но все равно это не могло стать поводом бросаться ей на шею.

— Котлета с макаронами, — пояснила она, ставя тарелку. — Хорошие...

— Вижу... — Хотя котлета была дешевым полуфабрикатом и даже не пахла мясом, а макароны слиплись в комок, все-таки это было лучше пирожка, и Олеся принялась есть.

Мать долго смотрела на нее, а потом присела на диван, который был старше дочери.

— Зачем ты так с ним? Он же старается... ну, такой он человек...

«Кто, он человек?..» — чуть не выпалила Олеся, но тогда б пришлось объяснять, что этот урод сделал с ней несколько лет назад; а если она ничего не сказала тогда, то какой смысл говорить сейчас — все равно никто не поверит, а только решат, что по детскому недоумию она хочет так упрятать отчима обратно в тюрьму. Поэтому Олеся ела молча; обычно мать, тяжело вздохнув, уходила, не имея более весомых аргументов, но сегодня вдруг сказала:

— Это я во всем виновата... — Что крылось в ее признании, неизвестно; возможно, они с дочерью имели в виду совсем разные вещи, но, как ни странно, вывод устроил обеих.

— Спасибо... — Запихав в рот остатки макарон, Олеся отодвинула пустую тарелку, и мать встала — разговор по душам закончился; тем более, за стенкой слышался мат и звук бьющейся посуды, которой в доме и так осталось немного.

Мать вышла; Олеся тут же вернула замок в прежнее положение, восстановив суверенитет территории, но от этого желание бежать отсюда (бежать хоть куда-

нибудь!) не пропало — оно давно впиталось в кровь, пронизывая мысли, и уже не являлось выплеском эмоций со слезами, истериками, запрыгиванием на подоконник распахнутого окна; это было как шум двигателя в автомобиле, который вроде есть, но когда едешь, его совсем не замечаешь. Да и бежать ей было некуда — она ведь пробовала...

Олеся включила старый черно-белый телевизор, доставшийся ей из-за лени отчима — чтобы не тащить тяжелый ящик на свалку, он подарил его падчерице (у них с матерью стоял такой же древний, но, как называла его Олеся, «условно цветной»). Смотреть она ничего не собиралась, а лишь хотела хоть как-то заглушить «бенефис» отчима. Она вновь вытряхнула содержимое сумки. Ничего нового там, естественно, не появилось, поэтому Олеся легла рядом, разглядывая вещи и пытаясь представить жизнь их бывшей хозяйки. Красивая получалась жизнь. ...Ничего, — подумала Олеся, — родители ей еще купят — они небось богатенькие... — И на этом совесть успокоилась окончательно.

Обычно, прежде чем заснуть, Олеся вспоминала прошедший день и радовалась, что он закончился, но сегодня неизвестно откуда взявшийся красноносый клоун весело жонглировал содержимым сумки прямо перед ее лицом; вещи взлетали друг за другом, опускались, не выпадая из общей цепочки, снова взлетали, и этот калейдоскоп действовал лучше, чем тупые верблюды, бесконечным караваном бредущие по пустыне...

Дверь подъезда, где, судя по паспорту, проживала Маша Зуева, оказалась не просто открыта, а даже предусмотрительно заклинена кирпичом; правда, сделано это было не для гостей — три парня в комбинезонах выгружали из «Газели» детали мебели, — но Олеся расценила все по-своему: ...Классно! А то код я не знаю — видит Бог, что я правильно поступаю... У нее почему-то всегда бывало так — когда она совершала что-то хорошее, то всегда вспоминала Бога, а вот когда плохое... плохое получалось вроде само собой — в нем не было ничьей ни вины, ни заслуги.

Вслед за грузчиками, направившимися к лифту, Олеся зашла в подъезд и взбежала на второй этаж к почтовым ящикам, занимавшим полстены; через круглые дырочки в них виднелись одинаковые зелено-фиолетовые рекламные листки. ...Точняк, «Мегафон», — Олеся вспомнила цвета телефонной компании, к которой только что подключилась.

Вообще, с телефоном все получилось очень удачно — накаченный браток, видя, как она призывно оглядывает его коллег, слонявшихся подле лотков с DVD, подошел первым. Несмотря на грозный вид, глаза у парня были добрые, и Олеся сразу предложила сделку. Как оказалось, телефон она недооценила, потому что парень без раздумий предложил аж четыре тысячи; для порядка Олеся решила поторговаться и к собственному удивлению выторговала еще пятьсот рублей. За эти деньги в ближайшем салоне связи она купила новый, абсолютно легальный аппарат; пусть попроще, но разве это имело значение, если раньше у нее не было никакого? На всякий случай она даже придумала отмазку для матери — типа, подружка подарила свой старый; все равно ни она, ни отчим не разбирались в технике.

А еще от сделки осталось четыреста рублей! Вчера это являлось бы целым состоянием, а сегодня... Олеся вспомнила шесть оранжевых бумажек, теперь лежащих в ее кошельке, и реально поняла, как все относительно в жизни. Правда, она сразу решила, что не будет тратиться на ерунду; оставалось еще решить, что считать ерундой, а что нет. Вопрос был сложным, но никто ее не торопил, и Олеся отложила это решение, а пока купюры приятно будоражили воображение, стирая пресловутую границу между желаемым и возможным.

Она достала заранее подготовленный пакетик с ключом и документами; используя знания, почерпнутые из сериалов, протерла его носовым платком (содержимое она обработала еще дома) и опустила в ящик с цифрой «25». ...Блин, сумку тоже надо было протереть! — вспомнила она, — хотя бомжи, по-любому, найдут ее раньше ментов...

Успокоенная, Олеся спустилась вниз. Парни продолжали разгрузку, и она спокойно вышла из подъезда; сделав несколько шагов, оглянулась — и вдруг поняла, что пытается угадать Машины окна. Зачем ей это, она не знала, но, тем не менее, вопреки логике присела на лавочку и закурила вкусную «трофейную» сигарету. ...Блин, дура, неужто мало мест в городе, чтоб покурить?.. Но выбрасывать сигарету стало жалко, а курить на ходу Олеся не любила. Ее взгляд пополз по рядам окон, постепенно спускаясь сверху вниз — кое-где они были задернуты шторами, кое-где на подоконниках стояли плоские с цветами; на одном устроилась кошка и, возможно, так же внимательно изучала незнакомую девушку.

...А с чего я взяла, что окна выходят сюда — они ж могут смотреть и на другую сторону... блин, да мне-то какое до них дело? Ответа не было, однако Олеся не уходила и, когда созерцать окна надоело, переключилась на двор, который раньше был определенно больше, но план «точечной застройки» перегородил его бетонным забором, оставив жильцам лишь несколько деревьев и часть детской площадки с ржавой горкой в виде ракеты.

Хлопнула дверь дальнего подъезда, и появился мужчина; из другого вышла женщина; потом уехала «газель» вместе с грузчиками; мимо прошли два парня, неизвестно куда и откуда. ...И какого хрена я тут сижу! Мне что, делать нечего?.. — Олеся уже два месяца училась на курсах маникюра, а сегодня из-за необходимости «уничтожить улики» решила прогулять, поэтому ответила однозначно: да, нечего!

Вообще-то изначально она собиралась в медучилище и ради этого ушла из школы после девятого класса, но не поступила. Сейчас она не могла внятно объяснить, чем занималась целых полгода; а если невнятно — искала себя. Но нашла лишь сырой, теплый подвал, с радостью принявший ее такой, какая есть. То, что там бухали и шмаляли дурь, было даже здорово, так как поднимало ее выше «дебиллов», прилежно корпевших над уроками, но вот потом, каждый по-своему поймав кайф, все начинали трахаться.

Олеся долго удавалось уклоняться от подобного коротания бессмысленных вечеров, но все-таки и она попала под раздачу. Мужиков было трое; слезы вызывали у них смех, а мат — злость, поэтому, несмотря на весь ужас, с их желаниями пришлось смириться. Больше Олеся в подвале не появлялась — она вернулась домой, где имелась граница, за которую никто не смел вторгаться.

Однажды мать зашла поговорить и в кои-то веки выдала умную вещь; она сказала:

— Олеська, валить тебе надо, иначе станешь такой, как я.

Олеся посмотрела на нее и решила, что сделает все, лишь бы не стать такой. После этого она и пошла учиться на маникюршу.

Курсы существовали при Центре занятости и были бесплатными, но в пятнадцать лет ее б никто туда не взял; пришлось божиться, что она из неблагополучной семьи, показывать синяки, которые, ради такого случая, позволила поставить отчиму, удивленному и обрадованному покорностью падчерицы; и только тогда высокомерная дама с золотыми серьгами сделала исключение. Кстати, сегодня Олеся прогуливала впервые, а так преподаватели хвалили ее и даже ставили в пример поникшим тридцатилетним бабам, составлявшим подавляющее большинство «курсисток»...

Олеся вздохнула и, ссутулившись, уперлась острыми локотками в не менее ос-

трые колени; теперь она смотрела лишь на совершенно конкретную дверь. ...А ведь у меня был ключ! — вдруг сообразила она. — Можно было бы вычислить, когда никого нет дома... Она представила себя в маске и перчатках, шарящей по чужой квартире, но картинка ей не понравилась; то есть, не просто, а совсем не понравилась! Ведь это уже не сумка, бесхозно висящая на стуле, а нечто другое, и дело здесь обстоит как с убийством — нечто находилось за гранью ее понимания.

Да и та сумка... Я ж не хотела — рука сама потянулась... Нет, случилось, что я реально крала — в школе еще, но я ж никогда не брала все! Девки даже не замечали, когда пропадала мелочь... А что было делать, если тупо хотелось жрать!.. Олеся вспомнила жуткое время, когда мать с отчимом забухали по-черному; мать даже собирались лишать родительских прав, но она вовремя спохватилась и пошла работать на рынок. Теперь они с отчимом тоже бухали, но не по-черному; в доме имелась какая-никакая еда, а раз в неделю мать давала Олеся какие-никакие деньги. В общем, жизнь наладилась; не все ведь живут богато — некоторые просто живут, и если б еще вычеркнуть из памяти тот случай в ванной!..

В сознании привычно опустилась черная туча. ...И почему я вспоминаю об этом, когда все вроде хорошо? Наверное, чтоб не расслаблялась... Вот если б не видеть каждый день его гнусную рожу... а у меня ж теперь куча бабок! Я могу свалить отсюда хоть завтра! Нет, надо немножко потерпеть — закончу курсы и тогда уж рвану в Москву! Там народу много — там меня даже менты не найдут, да искать никто не будет... На месте черной тучи расцвел огромный сказочный цветок; среди его лепестков возникли шикарные дома, яркие огни, красивые люди — все то, что Олеся называла «настоящей жизнью», в отличие от серого и тусклого «моя жизнь»...

Она еще продолжала по инерции смотреть на дверь подъезда, когда та внезапно распахнулась и из полумрака появилась девушка с длинными темными волосами; правда, они были по-домашнему собраны в хвост, но не узнать ее Олеся не могла — слишком хорошо она изучила фотографию в паспорте. Олеся замерла: да, она ждала именно этого момента и только сейчас поняла — это был такой же экстрим, как доводить отчима. Хотя с отчимом опаснее, а эта дурында меня и в лицо-то не знает...

Девушка явно кого-то ждала, поэтому Олеся спокойно рассмотрела ее модные джинсы, аккуратную, но немаленькую грудь, затянутую в лифчик, который вызывающе проступал под тонкой футболкой с непонятными английскими словами, а босоножки на высоком каблуке делали ее ноги еще длиннее и еще стройнее, чем в реальности. ...Сука! — в это определение Олеся вложила и восторг, и зависть, и желание социальной справедливости, родственное тому, что, наверное, испытывали революционные матросы, ворвавшись в беззащитную роскошь Зимнего Дворца.

— Ань! — девушка вскинула руку.

Олеся стрельнула взглядом вдоль дома и увидела вторую девушку, которая обернулась на голос и пошла навстречу подруге; они обнялись, поцеловались, не касаясь друг друга губами. Девушки стояли совсем рядом, и Олеся прекрасно их слышала.

— Анька, у меня пипец! — трагически произнесла стопроцентная Маша Зуева.

— Маш, вся наша жизнь — пипец, — театрально вздохнула Аня. — Чего случилось?

— Давай покурим. А то у меня и курить нечего.

Других лавочек поблизости не было, и они уселись рядом с Олесей; той даже пришлось подвинуться.

— Прикинь, — продолжала Маша, прикуривая у подруги, — у меня вчера сумку тиснули.

— Да ты что?! — Аня всплеснула руками.
— ...И где?! В нашей любимой кафешке! А между прочим, все из-за тебя.
— Ты чего, с дуба рухнула? — Аня поперхнулась дымом. — Я-то тут при чем?
— При том! Я с Крыловым поспорила, что ты к Ильичу на дачу поедешь, а ты...
— Да не нравится мне этот старый козел! — перебила Аня. — Я ж тебе сто раз говорю!

— Так мы спорили не то, что ты трахнешься с ним, а просто поедешь — у него же прикольно; к тому ж еще Катька со своим клоуном собиралась, Вика... короче, чего об этом говорить? — Маша махнула рукой. — А спорили на стакан водьяры. Я ж хотела поглядеть, каким Крылов со стакана будет — ну так, чтоб знать на будущее, а пришлось самой тянуть; прикинь — я и стакан водки! Я блевала дальше, чем видела!.. Домой он меня привез реально никакую; под дверью стоим, а сумки с ключами нет!..

— Может, официантки нашли? Они ж тебя знают — спросила б.

— А я чего подорвалась с утра пораньше, как ты думаешь? Но тут... — Маша вытаращила Олесин пакетик. — Во! Все документы и ключ подкинули; значит, остальное, как я понимаю, ушло безвозвратно. Телефон жалко — классный был...

— Если ЕМЕІ знаешь, могут найти...

«Какая ж я умная девочка!» — Олеся чуть не показала подругам язык, но потом Аня произнесла фразу, заставившую ее вздрогнуть:

— Ты ЕМЕІ напиши, а я ментам своим скажу — пусть реально поищут, а не как обычно... Слушай, а ночевала ты где? Неужто с Крыловым?

— Еще чего! — Маша засмеялась. — У меня папка — мудрый человек. Он, когда уезжал, соседке запасной ключ оставил: пусть, говорит, будет, а то дочь загуляет, посеет где-нибудь; и ведь в точку!.. Одно, блин, плохо — соседка видела, какой я была вчера; она сознательная — может и наступать...

— И чего? — удивилась Аня, — твои прям примчатся из-за бугра тебя воспитывать!

— Да никто меня воспитывать не будет — что я, маленькая? Отец мне доверяет, просто... — Маша затынулась, формулируя мысль. — Просто неудобняк. Ладно, тут есть еще другая проблема — бабла у меня осталось стошка с мелочью.

— Неужто все с Крыловым пропили? — делано изумилась Аня.

— Дура, блин... Пропили б — не обидно. Я вчера перевод от отца получила и сразу все баксы поменяла — ну, так они в сумке и остались, — Маша вздохнула. — Прикинь, он вчера прислал, а я сегодня позвоню — все, папуля, кончились; а если еще соседка капнет — вот тогда он и примчатся может. А что? Дочь пьяную домой притаскивают, все деньги пропила... Шучу — не подумает он так, конечно. Слушай, если серьезно — не знаешь, у кого б стрельнуть штук пять на пару недель?

— У меня бабок нет, сама знаешь, — Аня вздохнула.

— Я у тебя и не прошу, я спрашиваю — у кого можно стрельнуть! — Маша бросила под ноги бычок и наступила на него. — Вот, к примеру, тот же Ильич — как думаешь, даст?

— Ну, если ты ему дашь, то и он тебе...

— Да пошел он в таком случае! Я не на помойке себя нашла, чтоб спать за бабки!

— Слушай! — Аня вытаращила глаза, будто внезапная мысль расперла ей голову. — А тряхни квартирантов! Пусть вперед отдадут — им-то без разницы, как платить.

— Блин! — Маша хлопнула себя по лбу. — Как я сама не доперла! Пусть где хотят, там и берут!.. — Встала она решительно, но тут же скривила смешную рожицу. — Только пошли вместе, ладно? Я ж не умею скандалить, сама знаешь.

— Пойдем, — Аня тоже встала, и они направились... в соседний дом.

...Это ж у нее две хаты, что ли?.. — Олеся смотрела вслед девушкам. — О, живут же люди! А я всю жизнь сижу в одной комнате, и ничего... — Возникшая было робкая жалость к человеку, которого она оставила совсем без денег, сменилась злорадством — надо вас, буржуев, учить, чтоб жизнь медом не казалась... Блин, по тридцать штук присылать — не хило! Почему вот мне отец не шлет? Не, я понимаю — хату оставил, но в той хате тоже надо на что-то жить! Хотя если б он от мамки не свалил, может, и я сейчас так бы жила... — Олеся вздохнула. Это «если б» портило всю картину. — А насчет ментов я не врубилась — Анька что, мент? Хотя... Она вспомнила лейтенанта в мини-юбке. Блин! А чего блин — я ж ничего не сделала! Пусть докажут! Тем не менее, наличие связи между девушками и милицией вносило в мысли определенный дискомфорт, и Олеся принялась просто фантазировать, ставя себя на место Маши — теперь это стало гораздо проще, нежели вчера, когда она еще не видела ее вживую.

Радостно купаясь в несбыточных мечтах, Олеся не замечала времени, но дверь в соседнем доме вдруг хлопнула так, словно раздался выстрел, вмиг спугнувший и роскошную квартиру с «плазмой» и музыкальным центром, и доброго щедрого папу, и заботливую маму, а также ласковые морские волны — идею фикс многих лет. Вскинув голову, Олеся вновь увидела девушек: лицо у Маши было красным, а глаза узкими и злыми.

— Твари!.. — Она снова плюхнулась рядом с Олесей. — Ань, дай сигаретку.

— Зря ты так, — присев рядом, Аня достала пачку, — а если они и вправду уйдут? — Она чиркнула зажигалкой. — Думаешь, так быстро найдешь нормальных жильцов? То б хоть заняла у кого-нибудь, так знала, с чего отдавать.

— Да пошли они! — Маша нервно затянулась. — Отдам, когда отец придет! Не, реально, я ж подошла как человек, а они — видела, как вызверились: мы с твоим отцом договаривались... а ты кто такая... Я, блин, им покажу, кто я такая! Пусть завтра же валят из моей хаты — она, между прочим, на меня записана!

И тут Олеся допустила просчет, слишком откровенно повернув голову. Заметив такое излишнее внимание, Аня наклонилась, чтоб фигура подруги не закрывала обзор.

— Слушай, ребенок, тебе чего, интересно? Ты уже час тут сидишь.

— Неинтересно... — пролепетала застигнутая врасплох Олеся.

— А чего ты слушаешь? Сидишь в чужом дворе... Ты вообще откуда взялась?

— Ниоткуда... — Олеся совсем растерялась.

— Вот и валяй в свое никуда!

Олеся уже хотела встать (категоричный тон ей сразу напомнил разговоры в детской комнате милиции), но Маша хотела отключиться от неприятного общения с квартирантами.

— Правда, кто ты такая? — спросила она. — Я тебя в нашем дворе не видела.

— А это ваш двор?..

— Наш. Тебя как зовут? — Маша выпустила дым в лицо непрощенной гостье, и, пока Олеся решала, стоит ли называть имя, Аня, сама того не желая, подсказала ей выход.

— Ты что, не помнишь, как тебя зовут? — спросила она, и Олеся с радостью кивнула.

— О, блин! — Маша уставилась на нее в упор, — хочешь сказать, что реально не помнишь, как тебя зовут? Ты что, за дур нас держишь?

— Не, Маш, погоди, — снова, весьма кстати, вмешалась Аня. — Нам психолог рассказывал на лекции, что сейчас это очень распространенный случай — людей опаивают чем-то, и они теряют память. Слушай, подруга, а ты не врешь?

— Чего мне врать? — Олеся пожала плечами. Сама б она никогда не додумалась до такого хода, и неизвестно, куда он мог завести, но игра уже началась; при-

чем, игра очень простая — надо только все время говорить «не помню», «не знаю»...

— То есть ты не знаешь, кто ты? — уточнила Аня.

— Не знаю...

— Попа! — заключила Маша. — И что ты собираешься делать? Так и будешь тут сидеть?

— Не знаю. Пойду куда-нибудь, — в новой роли Олеся вдруг ощутила истинную себя — такая же неустроенная, неприкаянная, только в утрированном варианте, но на то она и игра.

— Жопа! — Маша покачала головой. — А ночевать ты где будешь?

— Не знаю...

— А деньги у тебя есть, инопланетянка? — спросила Аня.

Вопрос стоял конкретно, и Олеся понимала — от ответа зависит, будет ли игра продолжаться, ведь объединяться трем безденежным людям просто не имеет смысла; она была азартным человеком, поэтому кивнула.

— Рублей двести небось? — Маша усмехнулась.

— Нет, — Олеся решила не называть цифру, способную вызвать хоть какие-то ассоциации, и назвала другую, возникшую неизвестно из каких соображений, — двадцать тысяч...

— Сколько?! — голоса прозвучали в унисон; потом Аня уточнила, — откуда у тебя-то?..

— Не знаю...

— Клево, — Аня покачала головой, — а еще что у тебя есть?

— Вот, — Олеся достала новенький телефон.

— Дай-ка, — бойко пробежав пальцами по клавиатуре, Аня озадаченно вернула его хозяйке. — Блин, чистый — ни одного звонка, ни одного номера в памяти. Реально мистика... Слушай, инопланетянка, а ты не хочешь пожить нормально?

— Хочу, — Олеся не поняла, о чем идет речь, но она всегда мечтала жить нормально.

— Маш, — Аня повернулась к подруге, — если у девочки есть бабки, пусть пока поживет в твоей хате — чем не вариант? Ты берешь десять штук в месяц... Вот до конца недели две штуки получается; а за это время найдешь стабильных жильцов, возьмешь с них аванс...

...Целых две штуки!.. Но, как ни странно, сожаления о трате, которую нельзя будет потом даже пощупать, не возникло; может, это и есть «не ерунда», в отличие от MP3-плеера или новых кроссовок?.. — подумала Олеся.

— ...А я, — продолжала Аня, — учусь в институте МВД — бывшая школа милиции, знаешь?

— Нет.

— Понятное дело, — Аня усмехнулась. — Откуда, если ты не помнишь, кто ты есть. Короче, я у наших узнаю, как найти твоих родителей — не инопланетянка же ты, в натуре.

— Все это классно, но жильцы-то съедут завтра... — Маша замолчала, задумалась, а потом махнула рукой. — Один день у меня поживешь; но за это с тебя дополнительно — обед; ну и деньги, естественно, вперед, а то документов у тебя нет — смоешься еще. Согласна?

— Согласна.

— Ну и зашибись, — Маша сразу успокоилась, легко и просто разрешив, казалось бы, неразрешимую проблему, и мысль ее понеслась дальше. — Слушай, инопланетянка, давай тебе имя, что ли, придумаем — как-то я ж должна тебя называть. Хочешь быть Миленой?

— Ну ты чего? — возмутилась Аня. — Чего она, с панели?

Олеся была в восторге, как ей все это нравилось!

— А что такое панель? — спросила она, продолжая игру.

— Если не знаешь, то и не знай, — отрезала Аня. — Как бы тебя назвать?..

Нельзя сказать, что Олеся очень любила свое имя, но плохо представляла себя с другим — к нему ж надо будет привыкнуть, поэтому поспешила предложить:

— А давайте меня будут звать Олеся... — И обе девушки прыснули от смеха.

— Думаешь, это лучше Милены?

— А мне нравится, — Олеся пожалала плечами, хотя внутри возникла обида — то ли на мать, назвавшую ее как проститутку, то ли на девушек, приписавших ей то, что она могла представить лишь в самых кошмарных снах. — Звучит красиво, — пояснила она, — О-ле-ся...

— Ну, пусть так, если хочешь, — Маша встала. — Идем, пожрать купим, а то у меня в холодильнике мышь повесилась; я сегодня планировала провиантом заняться, но, блин, оказалось, что идти-то не с чем.

— Ладно, я тоже побегу. Вечером созвонимся, — Аня направилась к арке, соединявшей двор с улицей; Олеся молча смотрела ей вслед — в голове все перепуталось, и она никак не могла решить, хорошо или плохо то, что происходит...

— Пошли, что ли? — Маша тронула ее за плечо, и Олеся послушно встала. — Похаваем, и лично я поплю — как-то мне после вчерашнего... — Она принялась рассказывать, кто такой Крылов, почему Анька не хочет встречаться с Ильичом, еще о каких-то людях, завязанных в клубок этих отношений. Олеся сначала слушала внимательно, а потом ей в голову пришла странная мысль: «Зачем? Все равно никого из них я не знаю и не узнаю никогда...» И она стала думать, правильно ли решила потратить целых две тысячи.

У входа в магазин Маша оборвала поток сознания.

— А ты чего любишь? — спросила она без всякого перехода.

— Не знаю, — на этот раз ответ был абсолютно искренним и правдивым.

Конечно, Олеся знала, какие жвачки вкусные, а какие полный отстой; знала, что, например, чипсы «Lay's» намного лучше «Русской картошки», но ведь существовали еще «Pringls» почти по сто пятьдесят рублей за высокую круглую банку с усатым дядькой — какие вот они? Может, она б полюбила именно их, если б попробовала хоть раз! Но Маша поняла ответ по-своему.

— Ну да, я ж забыла, что ты ничего не помнишь. Короче, будешь есть то же, что и я.

...Блин, а вдруг она жрет одну икру? — Олеся очень не хотелось менять пяти-тысячные купюры, но тогда б игра сразу закончилась, а она пока получалась такой классной, так завораживающе похожей на сказку про Золушку!..

Все оказалось совсем не страшно — Маша не пошла в отдел с деликатесами, где продавщицы, мирно беседовали в уголку, отчаявшись дожидаться хоть одного покупателя; не пошла и в «Рыбу», и в «Колбасы», а двигаясь вдоль полок, занимавших центр зала, небрежно бросала в корзину упаковки быстрорастворимой лапши, самые обычные чипсы, коробку шоколадных шариков для «полезного завтрака». В общем, Олеся была приятно удивлена совпадением их вкусов, да и стоило все это столько, что вполне хватило сдачи с проданного телефона.

— Знаешь, отец говорит, что хоть раз в день надо есть горячее... ну, типа, суп, — начала Маша, когда они вышли из магазина. — Но мы ж лапшу кипятком заливаем, то есть это тоже горячее, но гораздо вкуснее борща, логично?

— Я не знаю...

— Скучно с тобой, — Маша вздохнула. — Жаль, отца сейчас нет — он бы придумал, что с тобой делать.

— А что со мной делать? — испугалась Олеся.

— Блин! Ты, оказывается, еще слова знаешь! — шутка получилась немного обидной, и Маша поспешила тут же замять ее. — Отец у меня, типа, это... «врач без границ»; где чего по миру происходит — голод там, или эпидемия, их туда бросают от какого-то международного фонда; сейчас он, к примеру, в Африке.

Незаметно они вернулись к дому, и Маша, набрав код, зашла в подъезд.

— Он уже полмира объехал. Прикольная работенка, да? Я ж почему тоже пошла на медицину катастроф, — Маша вызвала лифт, и они поехали вверх.

Остановилась кабина на седьмом этаже. Выйдя первой, Маша открыла дверь.

— Входи, башмаки снимай, а то жуть как не люблю убираться.

Олеся никогда не бывала в квартирах, где не пахло б ни пережаренным луком, ни мокрым бельем, ни грязными носками — она могла перечислить сотню знакомых запахов, а здесь не пахло ничем, и это вносило ощущение благородства, что ли. Разувшись, она принялась оглядывать длинный коридор, увешанный фотографиями, на которых был изображен один и тот же человек — иногда он сидел, иногда стоял, иногда смеялся, иногда курил; иногда его обнимала женщина, гораздо моложе него, и Олеся ткнула в нее пальцем.

— Это твоя мать?

— Это Ритка, — Маша засмеялась. — Отец, знаешь, ходок еще тот — развелся с двумя женами, а потом встретил Ритку. Она тоже врач, так он ее в ту же контору устроил, и теперь они вместе живут, вместе ездят. А мы с ней как подружки...

— А мать?

— Ой, мать, — Маша махнула рукой. — Она уж сто лет назад тоже замуж вышла и живет... я точно и не помню — то ли в Праге, то ли в Будапеште. Это была его первая жена. Ладно, пошли, а то лично у меня уже кишки к позвоночнику прилипают.

Не дав Олеся до конца ознакомиться с вернисажем, хозяйка провела ее в мрачноватую кухню, выполненную в насыщенных коричневых тонах, включила чайник и, достав тарелки, открыла пакетики с лапшой.

— Я чего про отца-то заговорила, — вспомнила она, — у него в медицине куча связей, так вот, он рассказывал, что сейчас научились управлять сознанием — могут сделать так, чтоб человек забыл все ненужное, а могут, наоборот, заставить все вспомнить. Они используют эти методики, когда проводят реабилитацию после катастроф. Он бы мог отвезти тебя к своим специалистам, чтоб память тебе подправили... Слушай... — Чайник щелкнул, и Маша налила в тарелки кипяток, отчего лапша стала быстро разбухать и кухню наполнил знакомый аромат специй. — А ты совсем-совсем ничего не помнишь?

Отрицательный ответ вряд ли б способствовал развитию отношений, и хотя Олеся подумала, что на девяносто девять процентов подругами они не станут, покидать мир, в который она так неожиданно попала, уже не хотелось.

— Кое-что я, конечно, помню, — сказала она задумчиво. — Но как-то так...

— А конкретнее? — Маша придвинула ей тарелку и сама уселась напротив.

— Конкретнее?.. — За неимением вариантов Олеся начала (правда, без особых подробностей) описывать свою жизнь и сама удивилась — рассказ получался какой-то... будто она смотрела на все отсюда, с седьмого этажа; а «с седьмого этажа» картина выглядела и вовсе жуткой, поэтому она ничуть не удивилась, когда Маша вздохнула:

— Похоже, никто тебя искать не будет, так что зря Анька лохматит своих ментов. Кофе сварить? — Она отодвинула опустевшую тарелку, но Олеся покачала головой. — Тогда покурим... кстати, у тебя курить есть? А то купить-то забыли.

Олеся положила на стол пачку, и Маша весело всплеснула руками.

— О, блин! Ты тоже такие куришь?

Внутри у Олеся все оборвалось — хорошо еще, что она не достала сразу и зажи-

галку, но про нее Маша не спросила, открыв ящик стола, где их валялось пять штук разных цветов.

— А вообще странно, — Маша включила вытяжку и старалась пускать дым под нависавший над плитой блестящий колпак, — куришь ты хорошие сигареты, деньги у тебя реальные, а то, что ты рассказываешь?.. Не вяжется все это, понимаешь?

— Понимаю, — Олеся тоже закурила. — Но ты ж спросила, что я помню.

— Да это да... слушай! — Машины глаза округлились, словно она вдруг проникла в Великую Тайну. — А может, ты это... ну, не та, кем себя представляешь? Может, ты богатая наследница и тебя специально опоили!.. Хотя... — Она разочарованно почесала затылок. — Тогда все наоборот — у тебя б сейчас ничего не было, а помнила б ты, типа, богатый дом... Опять, блин, не вяжется...

Докурили они молча, потом Маша так же молча вышла, но быстро вернулась.

— Слушай, я пойду посплю, а ты можешь телик включить; там DVD целая куча, но учти, дверь я заперла и ключ спрятала; захочешь свалить — прыгай с балкона. — Наверное, лицо Олеся как-то изменилось, потому что Маша тут же добавила: — Ты извини, подруга, но хрен тебя знает, кто ты, — сейчас столько аферистов... Береженого бог бережет.

— Я понимаю... — Ни бежать, ни воровать что-либо еще Олеся не собиралась, поэтому не обиделась, а скорее обрадовалась, что ее не гнали, а, наоборот, удерживали; дальше видно будет, как оно повернется.

Маша ушла, где-то щелкнул замок, и стало тихо; только противно гудела вытяжка, и Олеся выключила ее. Подошла к окну, которое, как оказалось, выходило все-таки не во двор. Внизу она увидела стоянку с разноцветным узором автомобильных крыш; по тротуару брели люди; цепь старых топовей отделала их от медленно ползших в пробке машин... Олеся тысячу раз ходила по этому месту, но вот так, с высоты, разглядывала его впервые. Подождав несколько минут, она вытащила из кармана зажигалку и на всякий случай выбросила в форточку; теперь при ней оставались лишь кошелек с деньгами, паспорт, который она взяла, чтоб оформить телефон, сам телефон и ключ от дома. Вот паспорт и ключ были явно лишними, и оставалось только надеяться, что Маша не спросит: — А что это у тебя в кармане?..

Избавившись от очередной улики, Олеся обошла кухню, разглядывая посуду, магнитики на холодильнике, всякую хитроумную технику, но это было не слишком интересно. На дивочках она прокралась мимо дверей, красноречиво помеченных фигуркой девочки под душем и мальчика, сидящего на горшке, и оказалась в коридоре с фотографиями. Из трех дверей, выходивших туда, открыта была лишь одна. Заглянув в нее, Олеся увидела обещанный телевизор — огромный и плоский, как она мечтала, — и DVD под ним; в шкафах стояли книги и экзотические безделушки — деревянные слоны, маленькое чучело настоящего крокодила, яркие птицы из натуральных перьев и прочая ерунда, которая в хозяине квартиры, без сомнения, будила приятные воспоминания, но для Олеся все это являлось лишь глупыми игрушками. И опять тут были фотографии. Олеся выбрала одну, где тот же мужчина с сединой в волосах и ямочкой, как у артиста Курта Рассела, стоял возле белого джипа, украшенного почему-то не красным, а синим крестом; фоном служил ослепительно голубой водопад, заключенный в изумрудную оправу джунглей.

Взяв фотографию с полки, Олеся уселась на диван, и тут ей показалось, что мужчина смотрит прямо на нее. Олеся принялась поворачивать портрет под разными углами, но внимательный, чуть ироничный взгляд продолжал следовать за ней; она не знала, что подобный оптический эффект достигается очень легко — для нее это было чудом.

— Ну, чего вылупилась? — спросила она тихо. — Думаешь, если ты красавчик и едешь по всяким Африкам, я прям вся расту, да? — Мужчина молчал, и Олеся погрозила ему пальцем: — Даже не думай... Вот если б ты был моим отцом, я б не отказалась. Ну, чего ты лыбишься? Знаю, что никому я не нужна, и ты не исключение... И я тебя за это ненавижу!..

Олеся откинулась на диван и закрыла глаза, пытается представить, как же именно она его ненавидит, но то ли вокруг присутствовала какая-то благостная аура, то ли тишина расслабляла сознание, но ненависть не хотела являться; даже вместо чего-то черно-белого, грязного и холодного, похожего на глубокие колеи в талом снегу (это был обычный продукт ее вечно настороженного воображения), перед глазами запрыгали цветные звезды, образуя веселый хоровод.

...Какая же я дура!.. — Олеся вздохнула. — Ну, почему так получается — этой вот, Машке все, а мне ничего! Чем я хуже?..

Овета она не знала; да и вообще, детские вопросы всегда самые трудные, потому что требуют правды, которая неизвестна никому.

Фотография стала мешать — Олеся боялась уронить ее и разбить рамку, поэтому встала и, ставя ее на место, увидела отражение в зеркальной стенке шкафа. ...Да, ничем я не хуже, если меня так же накрасить и одеть! Но тогда почему?.. Она плюхнулась обратно на диван. Смотреть телевизор или DVD не хотелось — ей хотелось плакать.

...Разгромлю сейчас все тут, на фиг! Бесполезные слезы отступили, но она подумала: «И что? Разве мне от этого станет лучше? Надо ведь, чтоб всем было хорошо, а не всем плохо... Только неужели я одна это понимаю? А как же все эти взрослые, считающие себя умными? Это ж так просто...»

Олеся не могла поставить себя на место «умных взрослых», а потому не могла и объяснить, почему они все делают наоборот. Рассуждения зашли в тупик; она просто смотрела на мужчину у водопада, но звездочки больше не плясали в сознании; впрочем, и черно-белого нечто тоже не было...

Резкий звук расколот тишину. Олеся показало, что в голову ударила молния, и вся ее перепуганная сущность летит в образовавшуюся трещину; она судорожно схватилась за диван, комкая покрывало, и только когда звук повторился, сообразила, что это звонят в дверь. Взгляд инстинктивно ткнулся в фотографию, но мужчина по-прежнему находился у водопада и при всем желании не мог бы переместиться в тесноту лестничной площадки; Олеся перевела дыхание и, осторожно подойдя к двери, заглянула в глазок — перед дверью стоял, естественно, не Машин отец, а молодой симпатичный парень. Похоже, он увидел, как открывался глазок, и больше не звонил, а спросил:

— Машка, как ты там после вчерашнего? Живая?

Олеся оглянулась и, поскольку в квартире по-прежнему было тихо, ответила:

— Спит она. А ты — Крылов, да?

— Я-то, Крылов, — парень явно растерялся. — А ты кто?

Олеся сама не знала, что на нее нашло — скорее всего, просто ей не хотелось выглядеть чужой в потрясающем, еще не освоенном до конца мире, и она ляпнула:

— Я — ее сестра.

— О, блин! — в линзе глазка лицо парня смешно вытянулось. — Откуда у Машки сестра?

— Оттуда, откуда и все берутся. А это ты вчера ее водкой накачал?

— Во-первых, я не накачал, а она реально проспорила... — парень замолчал, решив, что не обязан оправдываться перед сестрой, возникшей из ниоткуда. — Тебя как звать-то?

— Олеся.

— Слушай, Олеся, может,пустишь меня?

— Не могу. Ключ у Машки, а я...

В это время открылась одна из дверей, и появилась Маша в коротком халатике, эротично перехваченном тоненьким пояском.

— С кем это ты там?.. — она потянулась, зевнула.

— Крылов твой пришел.

— Да?.. — отстранив Олесю, Маша заглянула в глазок. — Сейчас, — нашла спрятанный среди кремов для обуви ключ, сунула в круглую дырочку, и дверь открылась.

— Привет, — обняв Машу, парень потянулся к ней губами, но она подставила щеку, и то явно нехотя.

...Молодец, Машка! Так их, козлов, и надо учить!.. — злорадно подумала Олеся.

— Я это... — отпустив девушку, Крылов обиженно шмыгнул носом. — У тебя ж теперь телефона-то нет, так я узнать — мы ж вроде в «Дырявый барабан» вечером собирались...

— Это когда? — Маша удивленно вскинула брови. — Пока я блевала?

— Нет, когда я домой тебя привез — ты обещала...

— Думаешь, тогда я лучше соображала? — Маша засмеялась. — И вообще, Крылов, денег у меня нет по клубам тусить — дернули вместе с сумкой. Так что если есть на что, приглашай.

— Да тоже нету, — кавалер вздохнул. — Я думал, типа, сходим, а потом я тебе отдам...

— Ой, Крылов! — Маша всплеснула руками. — Ты сам-то веришь в это? Напомни, а то память у меня девичья, — кому ты когда хоть сколько-нибудь отдавал?

— Ладно тебе, в краску-то вгонять, — Крылов театрально потупил взор. — А у сеструхи твоей тоже ничего нет?

— У кого?.. — Маша застыла с открытым ртом; потом громко сглотнула. — У моей сеструхи? — Она повернулась к Олесе. — Слушай, инопланетянка, ты чего тут плетешь?

Олеся покраснела, чувствуя себя полной идиоткой, хотя, наверное, Маша была права.

— Я пошутила, — она виновато опустила голову, но тут же снова подняла ее, — а что я, правду скажу?.. Он все равно б не поверил!

— В принципе, да! — И Маша вдруг засмеялась. — О, блин, ситуация! Прикинь, Крылов, мы с Анькой подобрали это чудо на улице, она ничего о себе не помнит, жить ей негде, а я как раз квартирантов выгнала...

— Мы идем в «Барабан» или нет? — перебил Крылов.

...Неужто Машка не видит, какое он дерьмо! И она еще водку с ним пила — точняк, ведь хотел трахнуть пьяную!.. Да и поимел бы, если б был ключ, а то соседка спугнула... Это ж я спасла ее! Сказать или не сказать?.. Господи, что я несу! Точно, крыша поехала.

— Ау... — Маша покрутила пальцем перед носом задумавшейся Олеси, — ты в клуб с нами пойдешь? Там клево. Только спонсировать будешь ты, а я тебе отдам, когда отец пришлет очередную «пенсию». Честно, я не Крылов... Давай, ты мне займешь штуки три, а я тебе реально расписку напишу, идет?

— Идет, — Олеся в упор взглянула на сразу повеселевшего Крылова. — Только он-то нам зачем? Ты ж такая классная, как ты могла влюбиться в такое...

— Но-но, детка! Ты базар-то фильтруй! — перебил Крылов, не желая дослушивать, кто он есть. Он даже сделал шаг к сразу напрягшейся Олесе, но тут Маша громко захлопала в ладоши, и все внимание переместилось на нее.

— Слушай, Крылов, а правда — шел бы ты лесом! Сколько можно тебя поить-кормить?..

— Ах так? — Лицо его покраснело то ли от злости, то ли от обиды, но явно не от стыда. — А сама ты кто, если б не пахан твой?! И подругу себе нашла — бомжиху!

Чтоб не нарываться на адекватный ответ, он вышел, напоследок хлопнув дверью; правда, еще было слышно, как, стоя на лестничной площадке, он пробормотал: — Девоч, что ли, мало?..

— А ты молодец, — Маша щелкнула Олеся по носу, но совсем не зло и не больно. Олесе даже понравилась такая фамильярность, обычно принятая между близкими подругами. — В принципе, я давно собиралась послать его, но как-то все цепляется одно за другое.

Олесе эти объяснения не требовались — она знала, что все сделано правильно; она уже мысленно прощалась еще с тремя тысячами рублей, тоскливо понимая, что если тратить такими темпами, но их не хватит и на неделю.

Маша пошла на кухню, и Олеся следом. Усевшись друг против друга, они закурили.

— Если честно, мне ничуть не жалко... — Однако тема себя исчерпала, и Маша задумчиво уставилась на странную девушку, так внезапно ворвавшуюся в ее жизнь. — В одном он прав, — сказала она наконец. — Видуха у тебя конкретно не клубная. Давай-ка, вымой голову, потом я тебе черты лица набросаю, может, еще найдем, во что нарядить тебя. Пошли, дам тебе шампунь, полотенце.

Олеся решила, что три тысячи — это фигия, о которой не стоит и думать.

Свою ванную Олеся ненавидела, и совсем не потому, что ванна там пожелтела от ржавчины, а отвалившиеся плитки сравняли количество серых квадратиков с количеством белых — это сущий пустяк; ванная вызывала к жизни самые жуткие воспоминания, которые даже через столько лет Олеся переживала словно заново. Моясь, она каждый раз прислушивалась к шагам в коридоре, ждала удара в дверь, звона отвалившейся задвижки о кафельный пол и ухмыляющегося мужчину с запахом перегара. Ее начинала бить дрожь, мочалка падала из рук, но нагнуться за ней означало потерять контроль над ситуацией, поэтому Олеся поспешно смывала мыльную пену и кое-как вытершись, натягивала джинсы. Она давно решила, что пока отчим будет стаскивать их, успеет сделать с ним... может быть, все-таки даже убьет! Ну, типа, не нарочно...

— Иди сюда, — Маша включила свет, и со стен на Олеся брызнула небесная голубизна.

— Клево... — Она даже открыла рот, а Маша засмеялась.

— Ну ты правда инопланетянка. Короче, вот шампунь, жидкое мыло, если захочешь принять душ. Волосы я тебе потом сама посушу и уложу. Держи полотенце. — Положив мохнатую простыню голубого, как кафель, цвета, она ушла.

Олеся разделась и, взглянув в зеркало, вдруг увидела себя маленькой и жалкой — как бы она хотела входить сюда каждый день, набирать полную ванну и лежать в ней, никого не боясь! ...Только этого никогда не будет. Даже если сдохнет отчим и я все забуду. Даже если выйду замуж... нет, возможно, что и выйду, но ведь за какого-нибудь урода! Они ж все уроды...

Она встала под теплую плотную струю, приятно массирующую тело, и закрыла глаза. Теперь перед ней плясали не звезды, а брызги то ли душа, то ли водопада с фотографии. Олеся чувствовала, что из глаз катятся слезы, но они тут же смывались водой, и ей совсем не было стыдно. Никто не торопил ее, потому что «людям тоже надо», но тут она вспомнила: «Мы ж идем в клуб! И не в нашу вшивую “Яму”, а в “Дырявый барабан”! Это ж круто! Возле него вечно такие тачки стоят!»

Выпрыгнув из ванны, Олеся завернулась в простыню. Одежда ее лежала рядом, но как же не хотелось надевать ее — от нее даже воняло ужасной прошлой

жизнью! Она тщательно притерла пол, поставила на место шампунь, выровняла сбившийся ряд красивых баночек с кремами и вздохнула. Машка точно ляпнула не подумавши — она ж выше меня на полголовы, и фигура... не то, что я — глиста, блин. Придется идти, в чем есть...

Натянула джинсы, футболку, засунула поглубже паспорт, вытащив предварительно одну пятитысячную купюру, и только потом вышла. После душевной ванной Олеся почувствовала себя пьяной, только опьянение казалось гораздо приятнее, чем от вина — это было опьянение счастьем, от которого возникла только легкость и никакой головной боли.

— Маш! — позвала она. — Ты где?

— Иди сюда! — раздался голос с кухни.

Посередине стоял табурет, на столе лежал фен, стоял баллончик с лаком.

— Садись... — И Олеся села.

Зеркала не было, поэтому она не знала, что с ней делают, чувствуя лишь нежные прикосновения, разбиравшие ее жиденькие волосы на отдельные пряди.

— Только слушай, — Машин голос звучал сзади, и Олеся не могла видеть ее лица. — Если в клубе встретим знакомых, не вздумай залепить насчет сестры.

— Почему?

— Да потому что нет у меня сестры! Понятно?

Олеся никогда не задумывалась, каким образом людям приходят всякие гениальные мысли, но то, что мысль была реально гениальной и пришла вроде из ниоткуда — факт. Сознание, сжавшееся в темный комок от последней Машиной фразы, вдруг озарилось яркой вспышкой, и все стало так безусловно, так понятно, что даже удивительно, почему они обе не додумались до этого раньше.

— А чего ты так уверена? — Олеся хотела повернуться, чтоб увидеть реакцию, но Маша твердым движением вернула ее голову на место.

— Не вертись! Почему я уверена?.. Да потому что знаю!

— Но ты ж сама говорила, — Олеся послушно смотрела вперед, на магнетики, облепившие холодильник. — У твоего отца до Риты было две жены. Ты — от первой, а может, я от второй. Вот и получится, что я твоя сводная сестра.

— Прикольно, — Маша усмехнулась. — Но бред. Отец от меня ничего не скрывает.

— А если он сам не знал? — Олеся вспомнила собственную историю. — Бывает же так — муж уходит и не знает, что жена залетела; срок еще маленький.

— Бывает, конечно, всякое... — Машин голос стал менее уверенным, но абсурд всегда остается абсурдом, даже если выглядит более-менее правдоподобно. — Чтоб доказать это, надо сделать генетическую экспертизу.

Олеся понимала, что экспертиза покажет правду, и усмехнулась.

— Я ж просто... но может ведь быть такое?

— Теоретически, может.

— Вот и я о том же! — воодушевилась Олеся. — А если у меня нет прошлого, так давай придумаем его, как придумали мне имя. Ты не переживай, если захочешь, потом я исчезну — скажешь всем, что сестра уехала домой, а?

— Ты реально прикольная девчонка...

— Я ж и по возрасту подхожу!.. Типа, младшая сестра, а, Маш? Ну пожалуйста...

— И откуда, в таком случае, ты ко мне приехала?

В самом вопросе крылся главный ответ, поэтому Олеся вскочила, бросилась Маше на шею и даже коснулась губами ее щеки, вдохнув тонкий приятный аромат.

— Сядь! — не слишком строго скомандовала Маша. — Я еще не закончила! Если я — старшая сестра, ты должна меня слушаться.

Можно было б, конечно, спросить у «старшей сестры», на чьи деньги они собираются гулять, но Олеся послушно уселась на место и снова вперилась в холодильник.

— Откуда я приехала?.. — У нее было плохо с географией, поэтому она сказала: — Из Урюпинска. Анекдот помнишь?

— Анекдот-то я помню, — Маша вздохнула. — А ты знаешь, где находится тот Урюпинск?

— Нет.

— И я не знаю, так что давай — ты приехала из Сибири. Вот просто из Сибири.

— Давай!

— Ох, Олеська, — Маша впервые употребила имя. — Реально прикольная ты девчонка... Все, глянь... — Она поднесла зеркало, и вместо привычных «сосулеч», смешно огибавших уши, Олеся увидела локоны, обрамлявшие лицо и делавшие его совсем взрослым.

— Класс... — выдохнула она. — Точняк ты б могла работать парикмахером.

— Нет уж, лучше я буду врачом, как отец, — Маша засмеялась. — А теперь я тебя нормально накрашу. Кстати, ты есть хочешь?

— Не то, чтоб... я не знаю.

— Не, ты реально инопланетянка! Если хочешь, так и скажи! — Впрочем, ответа Маша ждать не стала, а наклонилась, держа в руке кисточку для туши...

...Какая ж она классная! — подумала Олеся, — а я, дура, бочку на нее катила... А вдруг приедет ее отец, и они возьмут меня к себе? Он с женой будет жить в этой квартире, а мы с Машкой в той, другой; я закончу курсы и устроюсь работать, и не надо нам никаких мужиков. Нет, если Машка хочет, пусть приводит — я не буду мешать, но только не таких козлов, как этот Крылов. А в остальном я буду ее слушаться — она классная!

В ход пошли тени, крем — Олеся чувствовала, как пальцы нежно гладят ее кожу, и млела от удовольствия — никогда в жизни никто так не заботился о ней.

В конце концов, Маша отошла и, сдвинув брови, оглянула свое творение.

— Нормально, — заключила она. — Сейчас еще маникюр сделаем.

На столе появились хорошо знакомые Олесе предметы, однако осмотрев пальцы с недлинными, но аккуратными ногтями, Маша удивленно подняла голову.

— Похоже, с твоими руками совсем недавно работали. Не помнишь, кто и где?

— Нет, — ответила Олеся, а мысленно рассмеялась. Как же не помнить-то! Да мне их красят каждый день — мы ж все друг у друга модели. Толстая Вероника вчера их делала, только лак я стерла, а то отчим бы орать начал, типа, даже у матери на это нет денег! А я что, виновата, если вы все пропиваете?..

— Странно, — Маша достала коробку с лаками. — Их оказалось почти столько же, сколько Анна Васильевна приносила на всю группу, только фирмы там были попроще — Анна считала, что пока нечего переводить добро.

— Можно я сама попробую? — Олеся нашла свой любимый цвет.

— Ну, давай, — Маша уселась напротив, с интересом наблюдая за ее движениями. — А нормально у тебя получается. Ты на своей Альфе Центавре не в салоне красоты работала?

— Я не помню...

Олесе стоило огромных усилий сохранить печаль в голосе, потому что внутри у нее все трепетало от восторга, ведь между реальностью и глупой фантазией вдруг возник мостик, и с его помощью две жизни могли соединиться в третью, прекрасную и свободную, о которой она думала с самого вчерашнего вечера.

— А этим можно зарабатывать? — спросила она.

— Конечно! Только в салонах требуют «корочку», а так, частным порядком... да та же Анька, к примеру! Она ж толком ничего не умеет — мент, что с нее взять?

А выглядеть тоже хочет, к ней приходит девочка, типа тебя... — Маша закурила, встав у открытой форточки, и вдруг резко повернулась: — Слушай, а если ты будешь нормально зарабатывать, так можешь и на постоянно снять мою хату; червонец в месяц за центр города — это не дорого. Девчонка ты вроде ничего.

— Правда?! — Олеся восторженно взглянула на свою благодетельницу, теперь ведь не требовалось скрывать радость, так как она стала понятна и обоснованна. А вообще, ей хотелось снова броситься Маше на шею и даже расплакаться от счастья, но, к сожалению, ногти еще не высохли. — Маш, — она нежно подула на блестящую, гладкую поверхность, — у меня, кроме тебя, никого нет, понимаешь? А ты самая лучшая!

— Хватит тебе, — Маша махнула рукой, но чувствовалось, что ей приятно. — Скажи лучше, как ты собираешься жить без документов? Тем более, выглядишь ты, уж поверь, не на восемнадцать лет — после двадцати двух будешь одна идти, тебя первый же мент загребет.

Проблема, действительно, выглядела очень серьезной, но Олеся-то знала, что паспорт лежит у нее в кармане. Его можно потом как-нибудь, типа, найти — да, на улице валялся! Хотя глупо, конечно... Тем не менее, она молчала, не представляя ощущения человека, реально оставшегося без документов, и Маша взяла инициативу в свои руки

— Дай, Аньке позвоню. Это в макияже она — ноль, а так девка умная. Можно? — она взяла Олесин телефон, лежавший на подоконнике.

Разговаривали они долго, причем Маша в основном слушала, поэтому Олеся не понимала, что означают ее «да» и «нет», и, чтоб справиться со страхом перед всезнающей, вездесущей милицией, вновь принялась за маникюр — это отвлекало и успокаивало.

— Короче, — Маша положила телефон на место. — Она сейчас со своими ментами, пробили заявления о пропаже людей не только по нашей области, но и в соседних — никто тебя не ищет. То есть либо ты приехала издалека, либо реально инопланетянка.

— А мне пофиг, — у Олеси отлегло с души, и она улыбнулась. — У меня есть ты...

— Как пофиг? — возмутилась Маша. — Может, твои родители с ума сходят!

— Может, и сходят, — Олеся вздохнула. — Только я-то чем могу помочь? — А сама подумала: «Они давно сошли, только от другого — от водки...»

— Да это да... — Взяв новую сигарету, Маша встряхнула катастрофически путешеству пачку. — Купить надо... Ну, слушай дальше — просто так новый паспорт тебе никто не выдаст, сама понимаешь; сначала тебя отправят в психушку...

— Зачем?! — Олеся даже выронила кисточку, и на столе остался ярко-алый мазок. — Ой, прости!.. — Она принялась стирать его салфеткой и, видя, как судорожно она это делает, Маша, положив сигарету, подошла и накрыла ее руки своими, чуть сжала — Олесе стало так хорошо, так спокойно. — Зачем? — повторила она уже без надрыва.

— Чего ты боишься, глупая? — Маша улыбнулась, и Олеся подумала, что из нее получится классная мать, а еще лучшая — старшая сестра. — Тебя там обследуют всякими приборами, воздействуют гипнозом — короче, чтоб убедиться, что ты действительно ничего не помнишь; потом попробуют восстановить память, а уж если ничего не добьются, то на основании заключения экспертизы тебе выдадут новый паспорт — можешь тогда стать хоть Пенелопой Крус, хоть Анжелиной Джоли; можешь записать место рождения — Альфа Центавра... — Маша весело подмигнула. — Займет процедура примерно полгода.

— Я что, полгода буду торчать в психушке?.. Не нужны мне никакие экспертизы! — Олеся испуганно замотала головой. — Я хочу, как сейчас! Машенька, милая... — На ее глаза навернулись слезы, она стиснула Машины руки, размазав

ноготь на мизинце, но в данном случае это было уже не важно. — А вдруг у меня была какая-то ужасная жизнь? Вдруг мне потому и память отшибло, что я хотела забыть о ней? Мне хорошо с тобой, понимаешь?

— Успокойся, — Маша аккуратно освободилась из цепких Олесиных пальцев. — Есть еще вариант — менты Аньке подсказали, но он стоит денег.

— Так у меня ж есть!

— Да они сами не знают, сколько надо. Кто-то должен тебя опознать. Проще всего сделать бумагу из детдома — они за бабки что хочешь напишут, типа, воспитывалась ты у них, и фамилия твоя, к примеру, Пупкина; восемнадцать тебе исполнилось, и ты уехала. Что там дальше, они не знают, но на фотографии — ты. Понимаешь, да?

Этот вариант устраивал Олеся гораздо больше первого, поэтому она спросила:

— А здесь детские дома есть?

— Сейчас узнаем... Ты заканчивай, а я пока в Интернете гляну.

— А у тебя компьютер прям дома? — вопрос был глупым, но вырвался сам собой, и Маша не стала отвечать на глупый вопрос, а только засмеялась.

— Заканчишь, приходи. По чатам пошаримся — все равно делать нечего. — Она вышла, не сказав, куда надо приходиться, но Олеся и не думала об этом — словно из кусочков, начала складываться ее новая жизнь, и она была счастлива.

...Какая ж у меня будет фамилия? — подумала она. — Нет, Зуева — слишком нагло; Машка может разозлиться... но и не Тихомирова, как сейчас! Ненавижу! Надо что-то яркое, красивое. О, Красавина, например! А что — Олеся Красавина, мастер маникюра высшей категории, звучит, блин. Какая я все-таки молодец, что решила вернуть документы, иначе б ничего этого не было. Всегда надо поступать честно! Потом я Машке и сумку подарю на какой-нибудь праздник, и телефон... хотя телефон можно и этот отдать — мне-то кому звонить?.. Но вождеденную игрушку стало жалко, и Олеся нашла оправдание: ей такой не покатит — я куплю ей дорогой, а этим пусть пока пользуется...

Ногти высохли, и, выйдя в коридор, Олеся увидела, что одна из прежде закрытых дверей открыта. Вошла и... влюбилась с первого взгляда. Теперь, наверное, она не сможет быть до конца счастлива, пока у нее не будет такой же комнаты — с широкой кроватью и огромным плюшевым львом на подушке; резным зеркалом на смешных кривых ножках; стереосистемой, мигавшей разноцветными огоньками, огромной вазой в углу, из которой торчали благородно коричневые стебли камыша... Она не могла даже охватить все сразу, как толщу воды, в которую погружаешься постепенно. А компьютер прятался под столом, выставив на всеобщее обозрение лишь плоский монитор, перед которым сидела Маша.

— Детских домов у нас в области, оказывается, море; я и не думала. Блин, это ж страшно — столько детей без мамы, без папы... — Маша обернулась, взгляд ее загуманился, словно она собиралась заплакать. — Это ж им и прижаться не к кому, если что... Не представляю...

— А я представляю.

Маша вдруг встала и крепко обняла Олеся.

— Мы завтра же поедем, — прошептала она. — А если сильно круто заломят, я отцу позвону — на это он мухой бабки пришлет, он такой... бабник, конечно, но он настоящий.

Такого счастья Олеся уже не могла выдержать — лицо ее скривилось, в уголках глаз выступили капельки, она шмыгнула носом.

— Ты что? — Маша улыбнулась. — Прекрати, слышишь — я что, зря тебя красила?

— Не зря... — Олесе удалось подавить слезы. Она уткнулась в Машину грудь, ощущая ее дыхание, слыша биение сердца — описать это состояние словами было

невозможно. — Я люблю тебя... — это все, что она сумела извлечь из тайников своей души.

— Ладно, — Маша вздохнула, отстраняясь и делая шаг обратно к столу, потому что апофеоз не бывает долгим. — Ты компьютером-то умеешь пользоваться?

— Нет... — И это было правдой, хотя в школе Олеся захватила целых два года информатики, но разве могла она подумать, что ей это когда-нибудь пригодится?

— Садись, — Маша пододвинула второй стул. — Это прикольно. То есть я могу сидеть в онлайне и трепаться с кем угодно и на любую тему. У меня куча друзей, хотя реально я даже не знаю, кто они, где живут...

Ее пальцы бойко запрыгали по клавиатуре — одним этим зрелищем можно было просто наслаждаться, а уж когда Олеся сообразила, в каких строчках появляется Машин текст, а в каких — ее собеседников из неизвестного пространства, простирающегося над всей землей, то решила, что здесь даже интереснее, чем в клубе. Разве там можно запросто познакомиться с Младой, пишущей стихи, или прикольным Кроликом — непонятно, то ли парнем, то ли девушкой? А разве Ира, которой двадцать два года, станет спрашивать у нее совет, какого из двух женихов выбрать?..

— А на той квартире компьютер есть? — спросила она.

— Есть. Мой, старый, — Маша отвечала, не отрываясь от экрана. — Он рабочий, но там и память хиленькая, и монитор не плоский, но тебе, чтоб научиться, хватит.

...Господи!.. — Олеся закрыла глаза, — неужели это правда? Я не хочу уходить отсюда... никогда! А для этого надо иметь много-много бабок — что такое тридцать штук?! Вернее, сейчас уже будет двадцать пять... — Она достала заранее приготовленную купюру. — Маш, вот, две штуки за хату и три, как ты просила, а то ж я забуду.

— Я тебе напомнила бы, — Маша засмеялась, не отрывая взгляд от экрана. — Положи. Через пару недель, когда отец придет, треху я тебе отдам... А вообще обидно — бездарно профукать тридцать штук, да?

Олесе стало так стыдно, как еще не бывало никогда — ни перед матерью, ни перед учителями; да вообще ни перед кем! Но признаться трусливый язык все же не повернулся. Вместо этого она спросила:

— Может, съедим чего-нибудь?

— Давай, — Маша что-то нажала, и на экране вместо рожниц и веселой переписки появился портрет отца, только не у водопада, а рядом с красивым старинным домом. — У нас осталась китайская хрень — как мы ее называем, «друг студента», а можем зарулить в «Макдоналдс» и хапнуть по гамбургеру с картошкой; учти, в «Барабане» жратва дорогая.

— Давай в «Макдоналдс», — решила Олеся, которая действительно проголодалась.

— Тогда пошли, — Маша встала, шумно отодвинув стул. — Сейчас я только переоденусь. Жалко, что ты маленькая — для «Барабана» я б тебе подобрала что-нибудь эдакое; у меня тряпья — море, но ты ж видишь, какой размер.

— Вижу, — Олеся вздохнула, Впрочем, никакая трагедия не произошло — она достаточно уютно чувствовала себя и в джинсах с кроссовками. Хотя можно б, конечно, понтануться, но это в следующий раз...

«Макдоналдс» располагался всего в двух кварталах, и тут тоже было огромное преимущество жизни в центре. Олесе, например, чтоб попасть в это красивое красно-белое здание, похожее на шатер, требовалось специально ехать на маршрутке целых сорок минут, и, тем не менее, она в нем бывала несколько раз, поэтому ни обстановка, ни еда не являлась чем-то новым и впечатляющим. Только обычно

она заходила одна и всегда с завистью разглядывала веселые компании сверстников, настроение постепенно падало, и в конце концов она уходила расстроенная, ругая себя за глупо потраченные деньги. Но сегодня все было по-другому — сегодня она сопровождала Машу, и парни за соседним столиком и даже странный тип в дальнем углу с хорошо знакомой Олеся завистью теперь смотрели на нее. Хотя нет, конечно, — они смотрели на Машу в потрясающе короткой юбке и облегающей кофточке, призванных будоражить мужскую фантазию, но она же ее младшая сестра!

Ела Олеся медленно, наслаждаясь состоянием победителя. ...А что ж будет в клубе? — думала она. — С Машкиными данными парни небось к ней так и липнут, но я буду следить, чтоб не прибилося какой-нибудь дерьмо, типа Крылова... Переведя взгляд на свое сокровище, она увидела, что Маша уже поела и, подперев ладонью щеку, с интересом изучает ее саму. Олеся покраснела и поспешно засунула в рот остатки гамбургера, несколькими глотками допила сок и вытерла руки салфеткой.

— Все, Маш. Пойдем, да?

Курить в кафе запрещали, но после такого сытного, по сравнению с китайской лапшой, обеда это требовалось непременно. Они уселись в скверике, наблюдая за выходом из «Макдоналдса». Мужчины, сгрудившиеся вокруг шахматной доски, стоявшей на одной из скамеек, одинокие дамочки с сигаретами и обнимающиеся парочки привлекали их мало. Впрочем, возможно, дверь в кафе просто находилась гораздо ближе остального.

— И что дальше? — спросила Маша, обращаясь скорее к самой себе.

Олеся тоже не знала, что дальше, — ей было слишком хорошо, чтоб двигаться куда-нибудь, даже мысленно; над головой чуть слышно шелестели деревья, играя тенями, отчего тротуар становился похожим на шкуру пятнистого зверя.

— В клуб рано, — продолжала Маша, — а давай-ка сходим на хату, глянем, собирают эти козлы шмотки или нет, а то утром они приняли все, типа, в шутку. А я не шучу! Завтра там будешь жить ты!

— Класс! — Олеся даже прикрыла глаза.

Маша шла сосредоточенная, готовясь к предстоящему разговору, и Олеся не мешала ей. Молча поднялись на третий этаж.

— Ключ, блин, не взяла, — Маша нажала кнопку звонка.

В глазке что-то мелькнуло; дверь открылась, однако парень, стоявший на пороге, похоже, не собирался пускать гостей. Олеся увидела за его спиной коридор с встроенными шкафами, два простеньких круглых светильника на потолке, столик со стареньким телефонным аппаратом... Конечно, интерьер смотрелся не так здорово, как в первой квартире. ...Если буду зарабатывать много денег, все переделаю по-своему — Машка небось не обидится...

— Что вы хотели? — спросил парень, а глаза его говорили: «Как же вы надоели!»

— Хотела проверить, как вы собираетесь.

В это время появилась девушка, вернее, молодая женщина — какая-то никакая, не красивая и не страшная.

— Олег, объясни ты ей. — Она двинулась дальше, судя по возникшим звукам, на кухню.

— Проходите, — Олег отступил в сторону.

Олеся вошла следом за хозяйкой и остановилась — ей вдруг показалось, что она никогда не будет здесь жить. Это было мимолетное необъяснимое чувство, и хотя желтая комнатка с уютной постелью, телевизором в углу и стареньким трюмо, в принципе, ей понравилась, оно оставило неприятный осадок. Тут же вклю-

чился разум, и Олеся решила: «Нет, буду! Чего б мне не стоило! Другого такого шанса не представится никогда!»

— Значит, так, — Олег взял с подоконника несколько сколотых вместе листов. — Я еще раз посмотрел договор, который мы заключили с вашим отцом, и здесь есть седьмой пункт... — Он повернулся к свету. — «О любых действиях, связанных с изменениями условий исполнения настоящего договора, стороны информируют друг друга не менее, чем за две недели». Так что еще две недели мы будем здесь законно жить.

— Ну-ка дайте, — взяв текст, Маша нашла нужное место. — Да, правда...

— Поэтому, уважаемая Мария Викторовна, придется вам еще немного потерпеть нас. — Олег победно улыбнулся, и Олеся поняла, что ее почти сбывшаяся мечта рушится. Рушится из-за одной дурацкой строчки в бумажке, которую когда-то подписал человек, находящийся сейчас за тысячи километров! Да ему плевать, кто тут будет жить! Разве это справедливо?!.. — Она не знала, что делать, и лишь растерянно переводила взгляд за истинной хозяйки квартиры на наглого самозванца, и тут Маша поставила жирную точку:

— Против бумаги не попрешь. — Она вздохнула, возвращая документ, и тут у Олеси «флажки упали» — вечно на ее пути стояли мужчины! Как же она их ненавидела!

— Нет!!! — Она бросилась на Олега.

Тот не ожидал нападения, и прежде, чем успел среагировать, яркие острые ногти в кровь расцарапали ему щеку; потом, правда, Олесиные руки оказались в плену, но остались еще ноги, и она резко ударила коленом в пах. Олег исторг громкий мат и, отпустив девушку, скорчился от боли; зато Маша пришла в себя.

— Олеська, ты что? Да поживешь пока у меня!

Жаль, что в пылу битвы Олеся не услышала этой ключевой фразы...

На шум вбежала жена и, увидев картину битвы, метнулась к телефону.

— Я звоню в милицию! — Ее пальцы уверенно нашли заветные двойку и ноль, а Олеся, не обращая ни на что внимания, продолжала ногами добивать поверженного противника. Маша пыталась оттащить ее, но ей никогда в жизни не приходилось драться, поэтому делала она это, словно играла в студенческом «капустнике». Зато у жены Олега, похоже, имелся серьезный опыт, и когда в незапертую дверь вошли двое с автоматами и в бронежилетах, Олеся уже лежала на полу, яростно пытаясь укусить, сидевшую на ней женщину. Сам Олег уже поднялся, но стоял согнувшись, прижимая руки к пострадавшему месту; Маша замерла с открытым ртом и полными ужаса глазами.

На плечах одного из вошедших была россыпь мелких звездочек, хотя по возрасту он вполне мог бы иметь одну, но большую, зато второму лычки сержанта очень шли, особенно с учетом его габаритов и красного лица.

Старлей быстро достал наручники и защелкнул на запястьях дебоширки, а когда жена Олега нехотя поднялась, легко поставил Олесю на ноги; она совершенно безумно смотрела на людей в форме, и, хотя руки у нее были тонкими и «браслетов» она почти не чувствовала, сразу поняла, что игра проиграна, и зарыдала. Опасности в таком виде она не представляла, и старлей повернулся к остальным участникам.

— А теперь объясните, что здесь произошло?

— Волчонок какой-то... — пробормотал Олег.

— Сам ты, сука поганая! — сквозь слезы выкрикнула Олеся.

— Лучше в другую комнату... — И все пошли за женой Олега, оставив с задержанной сержанта.

— Давайте разберемся, кто есть кто, — старлей, шедший последним, прикрыл дверь. — Предъявите, пожалуйста, документы.

Жена Олега полезла в шкаф и протянула два паспорта.

— Хорошо. А вы? — старлей повернулся к Маше, и она побледнела, губы постыдно задрожали. Для нее ведь олицетворением милиции всегда являлась Анька, классная подруга, способная решать проблемы, а старлей смотрел на нее очень строго, как на преступницу; тем более, документов-то у нее не было!

— У меня все дома... Но я живу совсем рядом... Я сейчас... — она кинулась было к двери, но старлей поймал ее за руку.

— Погодите, девушка. Потребуется, мы и домой к вам сходим; только не надо от меня бегать, договорились?

— Да... — Маша прокляла миг, когда сегодня утром вообще вышла на улицу... Даже не так — тот миг, когда вчера пила водку с Крыловым!

— Вот и отлично... — Тем не менее, старлей не отпустил ее. Открыв верхний паспорт свободной рукой, внимательно сличил фотографию с оригиналом и остался доволен. — Как я понимаю, вы, Олег Сергеевич, пострадавший?

— Ну да... — Голос звучал неуверенно, скорее всего, здоровому парню было неловко от того, что его избилая какая-то соплячка. — Я сяду... — Не дожидаясь разрешения, Олег опустился на диван, с усилием скрестив ноги. — Мы с женой снимаем квартиру у отца этой девушки, — он кивнул на Машу. — Виктор Васильевич сейчас за границей, и вопросы мы решаем с Марией Викторовной. Сегодня у нас произошел инцидент, но, мне кажется, мы его разрешили. Да, Мария Викторовна?

— Да... — Только после этого старлей отпустил руку, и Маша вздохнула с облегчением, но нервы были настолько напряжены, что она опустилась рядом с квартирантом, при этом целомудренно расправив юбку.

— А кто та девушка, которая бросилась на меня, я не знаю, — закончил Олег.

— А вы знаете? — старлей обратился к Маше.

— Понимаете... — Она принялась честно рассказывать историю их знакомства, а когда закончила, старлей скептически хмыкнул.

— Знаете, Мария Викторовна, я как-то не верю в пришельцев... Кузин! — крикнул он громко. — Тащи-ка сюда эту инопланетянку!

Дверь открылась, и сержант втолкнул в комнату Олеся. Истерика у нее прошла, и она лишь всхлипывала, опустив голову и глядя то ли в пол, то ли на свои закованные руки.

— Как тебя зовут?

— Олеся...

— Да не Олеся она! — воскликнула Маша. — Я ж говорила, это мы ее так называли!

— Помолчите! — прикрикнул старлей, и Маша испуганно прикусила свой болтливый язычок. — А фамилия у тебя, Олеся, есть?

— Я не знаю... — Она решила держаться старой версии, потому что любые другие рождали в воображении даже не молоденького лейтенанта, а вышки и колючую проволоку, которые Олеся не раз видела их в кино.

— Ладно. — Старлей почесал затылок. — Кузин, посмотри, что там у нее в карманах.

— Нет! — Олеся метнулась к двери, но реакция у сержанта оказалась намного лучше, чем у Олега, — через секунду девушка уже стояла с заломленными руками и даже не пыталась вырваться. — Маш... — она снова заплакала. — Маш... не отдавай меня им... я же твоя сестра...

— Это правда? — старлей среагировал мгновенно, но Маша нервно усмехнулась.

— Нет, конечно. Это мы так, типа, играли.

Фраза эта осталась без комментариев, потому что Кузин, с явным удовольствием похлопав Олеся по бедрам, вытащил из ее кармана паспорт.

— А вы говорите, инопланетянка, — довольный старлей открыл документ. — Тихомирова Олеся Вадимовна, девяносто пятого года рождения, проживает... — он перевернул страницу, — улица Героев Летчиков... не Альфа Центавра, между прочим.

— Олесь, зачем ты все это придумала? — Маша обалдело хлопала глазами — у нее не было ни одной разумной версии, зато она была у старлея.

— А я вам скажу, зачем. Это малолетняя аферистка; возможно, наводчица или просто наркоманка. Кузин, дай-ка ее руки... — Он внимательно осмотрел вены и удивленно покачал головой. — Да нет, не колетса вроде — значит, не все еще потеряно.

Паспорт старлей продолжал держать в руке, и что-то его смущало; он долго смотрел на красную книжицу, а потом, открыв последнюю страницу, радостно вскинул голову.

— О! Я ж говорил... — Он извлек из-за обложки новенькие оранжевые купюры, расправил их. — Двадцать пять тысяч. Откуда у пятнадцатилетней девочки такие деньги? Олеся Вадимовна, может быть, объясните нам?

Но объяснять Олесе было нечего — рухнула не только мечта, рухнуло все! Как назло, слезы она уже выплакала, на истерику сил не осталось. Она хотела б опуститься на пол и лежать без движения, пока либо не умрет, либо ее не выкинут на помойку, как ненужную вещь, но сильные руки Кузина удержали ее.

— Не хочет Олеся Вадимовна с ними разговаривать, — констатировал старлей. — Тогда у меня вопрос к вам, Олег Сергеевич, — вы заявление по факту хулиганства и нанесения легких телесных повреждений писать будете? Думаю, на годик-другой в колонию мы ее определим.

— Да какие там повреждения?.. — Олег смутился. — Так, царапина...

Наверное, они были неплохими людьми, потому что при упоминании о колонию жена Олега взглянула на Олесю с неожиданной теплотой.

— Там же из нее сделают преступницу... — Секунду подумав, она решила, что какие-то меры все-таки следовало б принять. — Не знаю, как вы... — Она выразительно посмотрела на старлея. — Но будь моя воля, я б сняла с нее штаны и прямо при всех высекла хорошенько.

— Ну, — старлей с сожалением развел руками. — Ни у вас, ни у меня нет таких полномочий. Вы ж сами знаете, как в нашей стране боятся разрушить тонкую детскую психику — вот и вырастают такие Олеси. — Он повернулся: — Родители-то у тебя есть?

Поскольку Олеся продолжила молчать, старлей принялся разматывать совсем недлинную логическую цепочку:

— Раз ты прописана в квартире, то не одна ж ты там живешь, так? Значит, родители есть. А если товарищ отказывается писать заявление, получается, задерживать нам тебя не за что.... Давай, Кузин, отвезем ее домой, пока она что-нибудь серьезное не натворила, а родители пусть там разбираются. Грузи ее.

Олеся подняла голову и наткнулась на три пары внимательных глаз. В них читалось множество оттенков чувств — от растерянности и разочарования до любопытства и жалости, хотя ненависти в них не было, но и понимания тоже. Олеся вздохнула и сама направилась к выходу. Она ощущала внутри пустоту... Вернее, пустоту нельзя ощущать — она не чувствовала ничего! Жизнь закончилась, уместившись в один-единственный день, а то, что следовало дальше, не жизнь — если раньше она только догадывалась об этом, то теперь знала наверняка.

Олесю подвели к пропахшему бензином «уазу», и Кузин открыл заднюю дверь. Олеся увидела тесную клетку с решетками и холодную металлическую лавку; еще с той давней школьной драки она боялась оказаться в этом жутком заку-

ке, прочно отделенном от остального мира, но сейчас вдруг подумала, что там не так уж плохо по сравнению с ее домом. Кузин снял наручники, и Олеся сама залезла внутрь. Дверь захлопнулась, двигатель взревел, и уазик тронулся. Прежде чем выехать на проспект, он пару раз попал задними колесами в глубокие выбоины, но Олеся даже не заметила этого, маленькая она тупо смотрела в окно и лишь один раз тяжело вздохнула — когда они проезжали мимо сверкавшего огнями «Дырявого Барабана»; правда, он быстро исчез из вида — почти так же, как и из жизни...

Олеся не поняла, почему машина вдруг остановилась и хлопнула передняя дверь. Когда внимание сфокусировалось, она узнала свой дом и свой подъезд, вернее, свой бывший дом и бывший подъезд. Что она сделает, не важно, но совершенно точно, что не сможет здесь жить. Никогда! Ни под каким видом!

Сильные руки достали ее из клетки и повели к двери. Еще вчера она сторела бы со стыда под взглядами тети Наташи, сидевшей у соседнего подъезда, и пацанов, забывших о футбольном мяче и разинувших рты от удивления, но сегодня ей было все равно — она ведь больше не собиралась здесь жить. Не сопротивляясь, она шла в сопровождении двух людей с автоматами и лишь на пороге обернулась, прощаясь со всем окружающим убожеством.

Поднявшись на этаж, Олеся остановилась, давая возможность позвонить в дверь; руки она держала за спиной, как настоящая арестантка, и, похоже, старлею это понравилось.

— Ты хоть сейчас объясни, зачем все это устроила? — спросил он ласково, как в кино, прикидываясь «добрым полицейским»; Олеся понимала это и не ответила.

Вздыхнув, старлей нажал звонок, и тот откликнулся внутри квартиры. Послышались шаги — Олеся узнала шаркающую походку отчима и даже поняла, что тот не слишком пьян.

— Старший лейтенант Тимофеев, Центральный РОВД, — представился старлей, отвечая на еще не заданный вопрос, — откройте, пожалуйста.

— А у нас все в порядке, — испуганно сообщил отчим.

— У вас-то, может, и в порядке, а вот у Тихомировой Олеси Вадимовны, прописанной по данному адресу, нет.

Дверь опасно открылась. Отчим стоял бледный, с дрожащими руками. Он выглядел таким жалким, что Олеся отвернулась.

— Вы что, пьяный? — старлей втянул носом воздух.

— Что вы, товарищ старший лейтенант! — Глаза отчима забегали, а руки инстинктивно поднялись к груди. — Это вчера... праздник у нас был... но у нас все тихо... — Отчим старался дышать в сторону, зато смотрел на старлея с таким подбострастием, что Олеся даже усмехнулась. На нем были ужасные мятые брюки, падавшие с тощей фигуры без старого потрескавшегося ремня, и желтая майка с двухнедельным пятном кетчупа. — А что она, паршивка, натворила?

Улица Героев Летчиков не относилась к Центральному району, поэтому старлей не стал копать глубже относительно происходящего в квартире.

— Уж натворила, — он совсем не грубо втолкнул девушку внутрь. — Но люди оказались хорошие — не стали заявление писать. Она избилла мужчину, расцарапала ему лицо, причем непонятно, с чего и зачем... Вы б показали ее психиатру, что ли.

— Я ей сейчас покажу такого психиатра! — Отчим протолкнул Олесю дальше по коридору. — Спасибо за сигнал, товарищ старший лейтенант. — Он поспешно захлопнул дверь и, едва представители власти оказались по другую ее сторону,

вновь почувствовал себя хозяином; больно схватив Олеся за ухо, он потащил ее в комнату.

— Что ж ты, сука, делаешь? Ментов нам только не хватает! Слышь, Любка!

Олеся увидела мать, безразлично сидевшую над пустым стаканом. Почему-то она всегда умудрялась выпить именно тогда, когда дочери было плохо; сейчас, правда, она не спала, как в тот ужасный день, и, по-дурацки сведя брови, погрозила пальцем.

— Дочь, ты на кого похожа? Пойди, немедленно умойся.

Смотреть на нее было еще противнее, чем на отчима, и Олеся с радостью скрылась в ванной, закрыв задвижку, подняла глаза к зеркалу — от слез весь великолепный макияж потек, превратив лицо в маску какого-то трагичного клоуна.

— Олеска, а ну марш сюда! — раздалось под самой дверью, и Олеся услышала, как звякнула пряжка ремня. — Тварь такая, снимай штаны! Сейчас буду пороть так, что глаза на лоб повылазят!

— Разбежался! У самого у тебя повылазят!

— Открывай, кому говорю!

Дверь дернулась, но задвижка устояла, и тут отчим отвлекся, потому что из комнаты донесся голос матери:

— Саш, не надо...

— Ах, не надо?! — Шаги вместе с голосом стали удаляться. — Она ментов на хату наводит, а я спускать ей должен? Будут они тут копать, пьяный я или не пьяный!

— Она... — мать громко икнула, — ребенок...

— Ты слышала, что мент сказал, — она мужика избил! Она всех нас до зоны доведет! А ты заступница, твою мать! Сейчас я вас обеих воспитаю!

Упал стул, послышался шум борьбы, треск рвущейся ткани — и наконец характерные удары. После каждого мать вскрикивала, а отчим повторял:

— Вот тебе, заступница!..

...Так ей и надо... — равнодушно подумала Олеся. Взгляд остановился на серой коробочке с надписью «Gillette»; рука потянулась к ней сама, как вчера за висевшей на стуле сумкой, и вытащила тонкую блестящую пластину...

Мать уже не вскрикивала, а пьяно рыдала:

— Саш, что я сделала?.. Меня-то за что?..

...А меня за что? — Олеся посмотрела на свою руку. — Как надо резать... Да что ж ты так орешь, дура? Тебя что, не били никогда?.. Зря... Она включила горячую воду, сунула под нее запястье.

Господи... К чему она вспомнила Его неизвестно, но мысли запрыгали, словно шарики. — А ведь получается, я все вернула — и телефон там остался, и деньги мент забрал... Сумка! Как же теперь с сумкой-то быть?..

— Саш, хватит!.. Больно же!..

...А мне?.. Олеся зажмурилась, но вместо мстительного Бога, не простившего сумку, перед глазами заплясали веселые цветные звезды. Наверное, просто вода была очень горячей, и она ничего не чувствовала; зато сделалось фантастически хорошо и спокойно...

МИСТИКА И СВОБОДА

Вчера, почти случайно, из разговора с воронежским поэтом и врачом-диагностом Сергеем Поповым узнал: умер Сергей Васильев¹. Эта дикая новость не уместается в голове: Серега, такой жизнерадостный и огромный, с надежным присутствием которого связана вся моя литературная жизнь — ушел... В последний раз он приходил в редакцию «Подъёма» в декабре минувшего 2020 года. Я поразился, с каким трудом он нес свое большое тело и как трудно дышал. А прежде был всегда резок в движениях, с сильными руками и быстрым умом. Тогда декабрьским вечером я позвонил ему и спросил, все ли у него в порядке, не захворал ли он? Но Сергей ответил, что, мол, лестницы у вас там крутые, потому и одышка. Я немного успокоился, а потом эти впечатления стерлись, померещились случайными. Но оказалось, что передо мною и ответственным секретарем Володей Новохатским предстал тогда знак скорой будущей гибели нашего друга и талантливого автора журнала.

В середине 1970-х осколки созданного несколько раньше литературного объединения «Орион» влились в лито при областном Союзе писателей. В те годы руководил им поэт Олег Шевченко. Заседания наши были шумными и противоречивыми. А выйдя после них на улицу, мы покупали пару бутылок портвейна и шли читать стихи к Помяловскому спуску. Серега тогда еще писал стихи, но уже примерялся к прозе. Помню, он читал большую драматическую вещь, которая заканчивалась звучно и зрелищно, примерно так: «...и лишь олень ломает первый наст — всласть!». Я с восторгом сказал: какая вещь, а конец просто отличный! И Ва-

сильев, со своей обычной иронией и скептицизмом, моментально, но неторопливо заметил: «А с плохим концом тут и делать нечего...».

Был еще забавный случай, когда у него в большом частном доме мы вдвоем пили сухое вино и говорили о первых рассказах и о романе Сергея на какую-то производственную тему. Стоит упомянуть, что Васильев окончил политехнический институт по специальности «Тяжелые механические прессы» и в этой профессии был знатоком. Но роман получился скучный, вина было много. Серега читал свою прозу, а я... тихо уснул. Когда протер глаза, Васильев грозно произнес: «Скотина, я никогда не забуду, как ты заснул во время чтения моего романа!..».

Лет пятнадцать тому назад зимним днем, возвращаясь домой с Центрального рынка с пакетом купленной там рыбы, я столкнулся на остановке около института связи на Энгельса с Серегой, которого не видел уже достаточно давно. Он пожаловался, что бизнес ему порядком надоел. Я спросил, как дела с прозой, потому что в моем сознании Васильев окончательно стал прозаиком. Серега сказал, что пишет от случая к случаю, хотя в столе у него лежит большой мистический роман «Фантом». Но куда двигаться с рукописью, он представляет себе достаточно смутно. Я попросил у него текст, что-то говорил ему о литературе и о том, что бросать это дело никак нельзя — ведь я помнил его ранние рассказы, в которых многое было написано очень качественно. На том мы и расстались — я порядком замерз на зимнем холоде, а он обронил, что стоит не на той остановке, которая ему нужна. Спустя лет пять, когда Сергей уже совершенно отчетливо осознал себя автором мистических романов, повестей и рассказов и говорил об этом увлеченно, я спросил у него: а помнишь, как все было, когда мы встретились с

¹ Сергей Васильев умер Рождественским днем 7 января 2021 года в Воронеже, во дворе у порога своего дома, от приступа острой сердечной недостаточности.

тобою зимой? Да, ответил он, что-то связанное с рыбой... И я сказал: ты стоял тогда на неправильной остановке, а сейчас ты находишься на остановке нужной? И он твердо ответил: да!

В 2006 году редакция журнала «Подъём» переезжала из старого особняка на Плехановской, 3 в домик на проспекте, где когда-то жил маленький Иван Бунин. Мебель наша состояла из нескольких платяных шкафов из ДСП, в которые были кое-как встроены полки для рукописей, и одного могучего длинного шкафа, что прежде, наверное, стоял в какой-нибудь химической или физической лаборатории. Я попросил своих друзей и приятелей из литературного клуба «ЛИК» помочь нам в этом авральном переезде. Сколько ребят откликнулось на этот зов редакции, сгоняемой со старого места! Среди них были и Миша Болгов, и Серега Васильев. Я выцоганил у директора один шкаф, пошел к кинотеатру «Спартак», рядом с которым тогда был какой-то магазин, и договорился о перевозке с шофером крытого грузовика. Он подъехал к дверям подъезда, и мы с Васильевым взяли за шкаф. Эта громоздкая конструкция из опилок и смол весила чудовищно много, но я как-то ухватился за ее небольшие торчащие детали, и мы с Серегой поволокли этого мебельного монстра по лестнице вниз. Наверное, тяжелее и неудобнее груза я в жизни своей не носил. Но Васильев, настоящий гигант, сильный и умелый, был невозмутим и тащил шкаф спереди. Я же, весом раза в два легче напарника, старался не выпустить проклятую скользкую поверхность из неловких рук, чтобы она — не приведи Бог! — не съехала на идущего вниз по лестнице Серегу. Кое-как мы доставили шкаф ко мне домой и установили. Но, очевидно, именно тогда я и заработал свой маленький инфаркт, следы которого у меня обнаружили дней через десять на плановом профобследовании в поликлинике. А чуть раньше (но возможно, это было и в предшествующее лето) мы с Васильевым выносили с четвертого этажа заме-

чательный книжный шкаф с оригинально задвигающимися стеклянными полками — такой же был у Александра Фадеева, я как-то увидел это в старой кинохронике. Подруга жены продавала квартиру и отдала шкаф и книги Римме, с которой когда-то училась на одном курсе в музыкальном училище. И вот мы берем верхнюю часть раритета и собираемся двигаться от лестничной площадки вниз. Серега держит самый верх этой драгоценности и предлагает развернуть мебельный брусок горизонтально. Как только он стал принимать на себя наверхие с какой-то резной скромной отделкой, на него с крышки шкафа посыпались дохлые мухи, мел и пыль, накопившиеся там в течение нескольких десятилетий. Как Васильев тогда ругался, припудренный житейской дрянью с ног до головы! А потом, уже у меня дома, требовательно испросил щетку и добросовестно чистил рубашку и брюки. Все-таки он был женский любимец, и хорошо это знал. Как у Марка Твена: упавший с коня рыцарь должен в первую очередь почиститься!

Однажды Васильев сказал мне: «Вот ты в журнале занимаешься поэзией — давай я принесу тебе свои стихи: что ты о них скажешь?» И хотя он писал прозу, но давняя склонность к стихам не перекипела в Сереге и спустя десятилетия. «Эти вещи людям нравятся, многое поется у костра под гитару», — в качестве серьезного довода сообщил он мне с некоторым уважением к самому себе. «Ладно, оставляй», — с внутренней неохотой ответил я ему, поскольку помнил давние его поэмы: одна — о строительстве завода КАМАЗ, другая — о призвании поэта. Стихи его были порой довольно абстрактны, а иногда реальность в них выглядела очень искусственной. Пролежала эта стопка листов у меня в столе месяца два. И наконец Васильев призвал меня к ответу: «Ну, как тебе?» — «Знаешь, вот сейчас ты пишешь прозу, и притом — совершенно свободен: все в твоей власти. Нужно — рука твоя вырастает до невообразимой длины, ты берешь что-то важное

для тебя — и тут же помещаешь в свой сюжет. Твой герой может повести себя непредсказуемо, но ты следишь за ним и стараешься показать его правдоподобно, точно добавляя детали. Здесь, в этом поле, — все твое и для тебя, ты чувствуешь себя хозяином. В стихах тебе мешает то размер или рифма, то сюжет куда-то забредет и откажется повиноваться. Как-то все вынужденно, хотя есть вдохновенные строки и образы. Тебе еще что-то нужно говорить про стихи твои?» — «Нет, не нужно», — спокойно сказал Серега, и больше к этой теме мы никогда не возвращались.

По своим воззрениям Сергей Васильев был, скорее всего, просвещенным язычником. Разумеется, это не подразумевало его поклонения разным экзотическим богам. Он верил в силы, которые спрятаны от человеческих глаз за границей реальности и порой могут на нее влиять самым непредсказуемым образом. На том и стоит его спокойный, не экзальтированный мистицизм.

В жизни Сереги происходили достаточно необычные события, и ему хватало таланта и интуиции понимать, что события выстраиваются в цепь, в которой их связывает некая закономерность, загадочная и порой грозная. Он старался соединить реальное и инородное в единую линию жизни — литературной, придуманной и, наверное, своей. Тайственная сила, которую он чувствовал всей кожей, не была всевластной, она не контролировала всякий его шаг, но в поворотных пунктах не однажды заявляла о себе. Притом элементы добра и зла определенно были в ее природе, потому что в сюжетах Васильева вторжение подобной материи или субстанции приводили взбаламученную смесь тьмы и света во взаимно разграниченные состояния. Об этом говорит один из первых его романов «Арьсь-поле», и более поздние вещи никак не нарушили этот принцип, наверное, лежащий в основании всего существующего мира. В Христа Серега не верил и относился к Православию слегка насмешливо. Помню, как он иронически сказал мне после завершения

одного своего рассказа: «Написал я кое-что про твоего бога...». Но однажды, когда его жене делали сложнейшую операцию на головном мозге и заведомо исход был скорее плохой, чем хороший, он признался мне, что тут сошлись вместе сразу несколько странных обстоятельств. Не было вакансий в клинике — появились... Не могли найти ответственного хирурга — возник специалист-араб... Невозможно было добраться до пораженного места без повреждения важнейших участков мозга — как-то чудом араб ухитрился обойти запретные места... Во время операции, которая длилась довольно долго, Васильев ждал результата в приемном покое, непрестанно выходил курить на крыльцо. И когда в небе неожиданно возникла радуга, его пронзила мысль: все завершилось удачно. Он рассказал мне об этом, а после молчания негромко добавил: «И тут я понял, что Бог есть...».

В воронежской литературе фигура Сергея Васильева (Дубянского) занимает особое место — быть может, уникальное. Он писал реалистическую прозу — по всем приметам и характерам героев, но прошивал повествование нитью мистики. Не грубой и наглядной, очевидно придуманной — а осторожной, проявляющейся исподволь, но потом меняющей кардинально судьбу героев. В 1970-х он начал писать рассказы, весь антураж которых был списан с действительности, однако эти сюжеты, при всем умении автора организовать прозаический текст, все-таки не оставались в памяти, не цепляли сердце, не восхищали творческим замыслом. И вот старые страницы, сохранившиеся на протяжении многих лет, вдруг обрели неожиданно новое звучание: Сергей смешал события и лица с мистикой, назначив ее главной движущей силой происходящего в рассказе или романе. И перед читателем возник автор неожиданный, знающий жизнь и понимающий, что осязаемый мир есть лишь часть сложно организованного мироздания. Впрочем, Васильев не стремился раскрыть статус и механизм влияния всего загадочного на

обыденное. Ему было достаточно показать что-то, многим знакомое, — но с таинственным изъясном или прибавлением, и такая картина автоматически сливалась с привычным существованием читателя и ошеломляла его внезапным открытием: мир невероятно сложен, но мы в состоянии ощутить только малую часть его удивительного устройства.

Книги Сергея Васильева находили своих преданных читателей, но в целом широкого признания его как самобытного автора не происходило. И здесь, без сомнения, вина современного литературного бомонда и издательской политики: в них все сориентировано на снижение читательского вкуса и разрушение представлений о качественной прозе. Время от времени Васильев выступал на телевидении и давал интервью газетам, сюжет его романа «Реалити-шоу» вызвал жадный интерес у режиссеров на ТВ, однако снимать кино по сюжету Сергея там не спешили. А потом и вовсе отвернулись, продолжив заниматься обычной сериальной халтурой, состряпанной «на живую нитку».

Сергея публиковал свои рассказы и повести в самых разных региональных литературных журналах, но стремился завязать прочные отношения с издательствами: все-таки писательский ум его тяготел к большим вещам, к романам — он ведь и сам был большой, сильный и волевой человек. А на ограниченных журнальных площадях публиковать крупные вещи проблематично.

После нашего «рыбного» разговора Васильев требовательно спросил меня: что делать, с чего начать литературное восхождение? Я с какой-то странной решимостью отправил его в областную Никитинскую библиотеку и заставил посмотреть достаточно большое количество номеров «Литературной газеты» и «Литературной России» — там время от времени публиковались объявления издательств, которые зазывали к себе

новых авторов. Серега проштудировал со всей тщательностью газетные подборки и выписал координаты трех издательств. В два из них он так и не смог дозвониться, а вот с третьим, «Авваллоном», произошла интересная история. Трубку там сняли после первого звонка, Васильев кратко поведал о своих целях, и ему предложили приехать в столицу для творчески-делового собеседования. В те годы еще не была распространена компьютерная связь, и он, прихватив с собой рукопись, отправился в московское издательство. Потом он заметил: реальный адрес у них был какой-то дурацкий, новые посетители всегда долго искали нужный дом, и внутри здания как-то путались. Но Васильев мало того, что дозвонился волшебным образом (у них были и с этим проблемы), так ведь и нашел издательскую контору легко и с первого раза. Отношения сложились, кажется, вполне благополучно, «Авваллон» ухватился за необычного писателя и взялся выпустить три его книги: сборник повестей и рассказов под общим названием «Египтянка» и два романа — «Арысь-поле» и «Фантом». Две вещи они издали, а вот «Фантом» странным образом выпал из плана. Потом издатели решили перейти с печати книг на карты Таро. Таким образом эта стремительная авантюра пришла к своему концу, такому же неожиданному, как и ее начало. Лет через пять, когда у Сереги уже были опубликованы в журналах повести и рассказы, я предложил «Фантом» в воронежский «Подъём». Главный редактор Иван Евсеенко с осторожным интересом ознакомился с рукописью, а потом с сожалением сказал: этот автор мог бы быть хорошим прозаиком-реалистом, посоветуйте ему — пусть попробует. Но я ответил: Сергей Васильев уже выбрал свою дорогу и, полагаю, пойдет теперь только по ней.

Вячеслав ЛЮТЫЙ